

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

Факультет журналистики МГУ
Кафедра новых медиа и теории коммуникаций

Тема:
Философская и научная артикуляция «новой
нормальности»

Письменная работа студента
IV курса дневного
отделения 519 гр
П.Г. Комаревцева

Научный
руководитель
И.И.Засурский

Москва – 2014

Предисловие

Данное исследование является вводной главой к моей дипломной работе. Эта глава представляет собой научно-теоретическую часть большого научного целого.

Чтобы нижеследующий материал не показался неподготовленному читателю вырванным из контекста, для его удобства ниже, перед началом повествования, расположены мои общие тезисы, которые я хочу проверить на прочность в своей дипломной работе.

Содержание

1) Тезисы.....	4
2) Глава 1. Теории «новой нормальности».....	8
▪ §1 Философская артикуляция «новой нормальности».....	9
▪ §2 Научная артикуляция «новой нормальности».....	22
▪ §3 Теории политической коммуникации.....	48
3) Список использованной литературы.....	60

Тезисы

Я убежден, что сегодня мы имеем дело с новой реальностью, «новой нормальностью». Эта «новая нормальность» артикулировалась по двум направлениям: собственно философская артикуляция и артикуляция научная.

«Новая нормальность» заключается в совершенно ином значении и месте, которое занимают средства массовой коммуникации в современной цивилизации. Это положение центральное и определяющее. Те процессы, проводниками которых СМК являются, представляют собой ключевое звено для понимания мироустройства наших дней.

Поэтому научная артикуляция представлена теми науками, которые затрагивают коммуникационные процессы – в первую очередь, коммуникативистикой.

Философская артикуляция фактически ограничивается темпоральными рамками, поскольку процессы «новой нормальности» осмыслились, в первую очередь, современниками и в качестве редких исключений особо прозорливыми футурологами, которые правильно оценивали существующие тенденции и на их основе предвидели их дальнейшее развитие. Самый серьезный вклад в философское осмысление «новой нормальности» был осуществлен философами постмодерна.

Угол зрения, под которым мы будем изучать эту «новую нормальность» и ее практическую реализацию в современной цивилизации, сфокусирован на взаимодействии новой коммуникационной реальности (базирующейся на новых медиа) и ее политического измерения, уже начавшего трансформации под влиянием новой системной логики.

Для понимания логики работы следует уточнить, что мы понимаем под «новой нормальностью» и новыми медиа, и каким влиянием они обладают над ранее уже взаимосвязанными процессами политической коммуникации и глобальной медиасистемы.

Главное отличие новых медиа от предшественников заключается в том, что они являются системой, фундаментально открытой, децентрализованной и электрической по принципу своей работы, механизму функционирования и экспансии.

При этом часто совершается подмена понятий, при которых новые медиа трактуются настолько широко, что внутреннее значение термина размывается. На наш взгляд, наиболее часто допускается ошибочное и поверхностное уравнивание новых медиа с традиционными дигитализированными медиа. Между тем, обе эти формы принципиально различаются по своему функционалу и целям: продуктом традиционных – пусть и в модернизированной форме – медиа является информация. Этот продукт сохраняет свое качество даже в новой коммуникационной среде. При этом продуктом новых медиа является коммуникация. Новые медиа оперируют с тем, что возникает как интегративное качество (по принципу $1+1=3$) в процессе информирования, взаимодействия информатора и реципиента. Эта интегративная цифра «3» и является предметом деятельности средств массовой коммуникации, новых медиа в современном мире.

При этом информационная журналистика теряет свою актуальность по ряду причин, среди которых выделяются:

- 1) Процессы производства и передачи информации ускорились настолько, что информацию уже невозможно своевременно проверить. В новой коммуникационной среде информация принципиально не поддается своевременной

проверке, теряя, таким образом, свои непосредственно журналистские качества. Вдобавок, налицо ценностное редуцирование уникальности информации. Равно как Китай, пока еще не включенный в глобальное информационное общество сетевых государств, вынужден заниматься вторичным производством, а сетевые государства занимаются первичным, так и в поле непосредственно коммуникации именно первичное приобретает повышенную ценность. Сеть принципиально работает на распространение, а не на производство. Информация, предоставленная СМИ в открытый доступ подсасывается новостными агрегаторами, дублируется перепечатками и в кратчайшее время теряет свою иллюзорную уникальность. Более того, подавляющая часть совокупной аудитории получит информацию не от ее производителя, но от распространителя. Разумеется, речь идет только о той информации, которая попала в открытый доступ, на информационный рынок. Даже при ссылках на оригинальную новость, которая еще полчаса назад могла оставаться уникальной, пользователь может найти один и тот же материал на десятке порталов и в социальных сетях (где он уже отрывается от своих первичных качеств и становится составляющей ad hoc коммуникации). Рынок новых медиа диктует свои нормативы скорости реагирования. Потому и получают развитие рекламные и PR агентства полного цикла, копирайтинг, а на ведение странички в социальной сети известного бренда или политика требуется как минимум один человек с полной занятостью – а иногда и целая команда профессионалов.

В этом смысле «новая нормальность» актуализирует механизмы:

- А) Интерпретации
- Б) Распространения
- В) Реагирования

При этом для политических коммуникаций первые представляют особый интерес.

- 2) На фоне ускорения информационных потоков мы также имеем дело с тем, что информационный рынок сегодня оккупирован существенно более широким чем раньше ассортиментом акторов: сегодня это не только журналисты, политики и ньюсмейкеры, но также и представители бизнеса, лоббистские группы и даже обычные среднестатистические обыватели в лице блогеров (т.н. гражданская журналистика). Это произошло благодаря развитию технологий «новой нормальности», с помощью которых существенно расширился круг людей с доступом к информационным ресурсам.

Отголоски этой тенденции мы видим даже в юридической практике, которая традиционно отстает от реального положения дел. К примеру, в ходе ряда инициатив российских властей российские блогеры с определенным количеством подписчиков отныне приравниваются к средствам массовой информации. Таким образом, мы имеем дело с легализацией их информационного статуса.

Учитывая обе тенденции, мы утверждаем, что функция информирования уже перестала быть вотчиной чисто журналистской и вообще теряет свою значимость, поскольку информация уже не просто не поддается проверке - она не требует этой проверки. Характеристики информации, связанные с ее фактической основой и правдивостью, в новом обществе уже не актуальны. Если информация является лживой – ее легко можно сделать правдивой – и именно такие механизмы сегодня пользуются большим спросом на информационном рынке, чем механизмы проверки информации.

При этом характеристики новой коммуникационной среды, которая еще не является свершившимся фактом, требует прояснения новых правил игры, артикуляции ее программного обеспечения, ее возникающие структура и механизмы еще не являются до конца изученными. В этом смысле рынок проявляет спрос на журналистов в качестве медиаэкспертов, медиаменеджеров и медианавигаторов. Все три функции носят не чисто прикладной экономический характер, как и раньше. Значения всех эти новых форм журналистики носит также и онтологический характер.

Человек «новой нормальности» продолжает движение вверх по пирамиде интеллектуальных потребностей. Это касается и аудитории, и производителей контента, и модераторов, и стейкхолдеров, которые определяют правила взаимодействия акторов на самом высшем уровне, создавая некие конвенциональные соглашения, которые транслируются, ретранслируются и редуцируются другими участниками рынка.

Движение вверх по пирамиде интеллектуальных потребностей естественным образом привело к смещению рыночного фокуса от информации к коммуникации, и может привести к дальнейшему смещению фокуса от коммуникации к знанию.

Знание уже сегодня приобретает фундаментально отличные характеристики в сравнении с предшествующими эпохами. Оно становится ключевой единицей для всех практик, будь то практики политические, экономические, журналистские и пр. Знание при этом может выступать и как ресурс, и как идеал.

К примеру, в сфере политики знание становится самым главным властным ресурсом, поскольку социокогнитивные практики манипулирования неизменно выигрывают перед практиками силовыми, практиками принуждения и т.д. В сфере журналистики, в сфере медиакоммуникаций знание становится главным продуктом, который будет поставляться на открытый информационный рынок – уже произведенный в сотрудничестве с аудиторией.

Специфика положения России сегодня заключается в том, что мы опять имеем дело с борьбой двух реальностей, двух коммуникационных укладов, двух волн.

Одно из самых ярких событий нашей истории – 1917 год – также заключалось в том, что произошел схлест Первой и Второй волны (пользуясь терминологией Тоффлера), аграрного и индустриального, устного и письменного. Тогда всплеск политического насилия был вызван попыткой искусственной консервации Первой волны. Сегодня мы также наблюдаем столкновение двух волн – Второй и Третьей, индустриальной и постиндустриальной, информационной, информационной, конфликт письменного и визуального с электронным и цифровым. При этом современное российское руководство также осуществляет попытку искусственной консервации той системы, которая пока еще формально удерживает лидирующие позиции.

Любые попытки решить этот конфликт в пользу Второй волны не достигают своей цели, поскольку при любом системном нажиме, давлении новые медиа и та часть общества, которая прошла социализацию в новой коммуникационной реальности, «новой нормальности» детонируют – мы видели это в ходе зимних протестов 2011-2012 годов, мы видели это на украинском Майдане, мы видим это в Гонконге.

Более изощренные попытки уладить этот фундаментальный конфликт – не силовыми методами, а отключением кислорода или редуцированием ресурсов оппозиционной

стороны – сталкивались с тем, что новая система перестраивалась. Ранее необходимый ей ресурс становился ненужным в ходе ее технологического переоснащения.

В сфере внутренней политики власти все также нужно выстраивать отношения с той частью общества, которая была социализована новыми медиа. То же самое – но в еще более радикальной постановке вопроса – касается и сферы внешней политики и международных отношений, где российское руководство имеет дело с руководством развитых западных стран, представители политического истеблишмента которых также проходили социализацию в этой новой коммуникационной реальности. Кто-то вынужденно, кто-то добровольно, но так или иначе все из них также имеют дело со своими избирателями, с которыми нужно говорить на одном языке, языке «новой нормальности».

Внешняя политика, вдобавок, в силу своей более глобальной и властной роли по отношению к политике внутренней, носит характер символический и ритуальный – и в этом смысле на нее распространяются те характеристики, которые сформулировал Кастельс в своей концепции глобального-информационного общества. Иначе говоря, в сфере внешней политике действует принцип бинарного включения. И для решения любого политического вопроса государство сталкивается с необходимостью символически и ритуально репрезентовать свою принадлежность к «новой нормальности». В противном случае, диалог будет происходить на языке разных коммуникационных укладов и никогда не приведет к требуемому финалу.

Таким образом, российское политическое руководство вынуждено осваивать хотя бы чисто в функционалистском, утилитарном ключе правила игры «новой нормальности». Конфликт этого освоения усугубляется не только региональной спецификой России, но еще и тем, что сфера политического по своим фундаментальным качествам является архаичной сферой деятельности. И когда сфера политического пересекается со сферой «новой нормальности», она вынуждена трансформироваться, чтобы сглаживать конфликт устаревшего и современного.

В новой коммуникационной реальности главным политическим механизмом является политическая коммуникация. Все политические решения, принятые в рамках «новой нормальности», должны быть артикулированы, презентованы и легитимизированы. За проведение этих решений в реальность отвечает политическая коммуникация, которая получила новое актуализированное звучание в современной цивилизации.

Изложенная ниже глава из моей работы посвящена описанию «новой нормальности» по двум артикуляционным линиям: в первом параграфе будет раскрыта сущность философской артикуляции, во втором – научной. Третий параграф будет посвящен политической коммуникации как научной школе, которая изучает специфику процессов указанного поля в наши дни.

Глава 1. Теории «новой нормальности»

«Этот габитус существования в пространстве, распространяющийся у отдельных людей на поступки и мысли, осанку и умонастроение, охватывает в существовании целых культур всю совокупность жизненных выражений высшего порядка, как-то: выбор определенных видов искусства (объемной пластики, фрески эллинами, контрапункта, масляной живописи на Западе) и решительное отклонение других (пластики арабами), склонность к эсотерике (Индия) или популярности (античность), к речи (античность) или письменности (Китай, Запад), где выражения эти оказываются формами духовной коммуникации, типом соответствующих чайний, административных систем, способов общения и поведенческих норм. Все великие личности антики образуют одну довлеющую себе группу, душевный габитус которой строго отличается от габитуса всех значительных людей арабской или западной группы. Если сравнить даже Гёте или Рафаэля с античными людьми, то Гераклит, Софокл, Платон, Алкивиад, Фемистокл, Гораций, Тиберий тотчас же сойдутся в одно уникальное семейство. <...> В завоеванной Гранаде еще долго чувствовалась душа арабских городов, Багдада и Каира, тогда как в Мадриде Филиппа II налицо уже все физиогномические признаки облика современного города, вроде Лондона и Парижа. <...> Даже и градостроительство — то ли из смутного влечения, как в готике, то ли сознательно, как со времен Александра и Наполеона, — повторяет в первом случае принцип лейбницевской математики бесконечного пространства, а во втором — принцип евклидовых разобщенных тел». ¹

1 О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993. — С.267

§1 Философская артикуляция «новой нормальности»

*Интерпретация мало-помалу должна уступить место дискурсу нового типа;
его целью будет не раскрытие какой-то одной, «истинной» структуры,
но установление игры множества структур; говоря точнее,
объектом новой теории должны стать сами отношения, связывающие эти сочетающиеся
друг с другом структуры и подчиняющиеся неизвестным пока правилам*

L'écriture de l'événement. In: «Communications»

Barthes R.

Понятие «постмодерн» многозначно, оно используется для обозначения своеобразной ситуации в политике, социологии, художественном творчестве, то есть почти во всех сферах бытия. Постмодерн как социологическое и философское измерение времени ярко прослеживается в сфере современной политики, современного искусства и современной философии.

Главный объект постмодерна – Текст с большой буквы, поэтому, среди прочего, он сосредоточен на критике метарассказа, или метаистории, т.е., власти единой повествовательной стратегии, парадигмы – научной, философской или художественной.

Проблема Текста в постмодерне вытекает из проблемы языкового сознания в постструктурализме. Она выстраивалась вокруг тезиса «loquor ergo sum» («говорю, значит, существую»). Постструктуралисты, для которых мир был действительным бытием письменности, сводили человека к сумме текстов, совокупность которых аккумуляровалась в мир культуры. И раз ничего не существует вне текста, то и человек находится «внутри текста». Однако это не значит, что постмодернистская трактовка сознания человека сводится к текстуализации: речь, скорее, идет о нарративизации, описательных ресурсах человека по отношению к его опыту.

Постмодерн интересен нам, в первую очередь, как концепт, предполагающий определенную фазовую модель развития истории. Однако важно озвучить два тезиса, которые повлияли на структуру и логику данного раздела нашего исследования:

А) Постмодерн выстраивает себя на осмыслении и вообще отталкивается от предшествующих фаз, будучи внутренне глубоко зависим от периода «классики». В силу этого, раздел начнется с рассмотрения фаз премодерна и модерна.

Б) Рассматривая премодерн и модерн философы постмодерна интерпретировали их в соответствии со своими убеждениями и взглядами, расставляли соответствующие акценты и *вычитывали* своих предшественников отнюдь не классическим способом. Целью данного раздела ставится не классическое прочтение философов античности или средневековья, но описание философской артикуляции «новой нормальности» - по этому соображению мы с воодушевлением будем следовать интерпретации постмодерна.

Для удобства мы рассмотрим основные черты каждой фазы, подробнее остановимся на философах постмодерна и их концепциях, которыми они обогатили современную

философскую мысль – и, наконец, покажем, каким образом функционирует эта фазовая модель, как она разворачивается в истории и переходит от объяснения мира к игре с Текстом. Видение истории как поэтапная цепочка пре-модерн – модерн – постмодерн – это не хронологическое, а социо-философское измерение времени. Поэтому описание цепочки будет также осуществляться через описание основных социо-философских дискурсов каждого этапа.

Отличительная особенность **премодерна** – в том, что он удивляется (в том смысле, который вкладывали в это действие Платон и Аристотель, где удивление = выход из привычного) смертности. Люди рождались и умирали, как времена года – и снова рождались, заключенные в циклическое время античности. Весь мир был един и сакрален, бытийности и субъектов попросту не существовало. Мир отличался неделимостью и еще не познал дуализма следующей эпохи. Это отражалось и в обычной жизни, в которой не было жесткой социальной дифференциации. В своем историческом измерении Премодерн распадается на архаичное и традиционное общества.

Архаичное общество – это общество охотников и собирателей, общество инициации.

И Платон и Аристотель начинаются с опыта сакрального, опыта столкновения с чудом. Вот как описывает сущностный характер сократической инициации Платона Эдуард Шюре:

«Светлый образ Сократа, умирающего за истину и беседующего в свой смертный час с учениками о бессмертии души, запечатлелся в уме Платона, как самое прекрасное из зрелищ и как самая святая из всех мистерий. Это было его первым великим посвящением. Позднее он изучал физику и метафизику и много других наук; но он навсегда остался учеником Сократа. Он передал нам его живой образ, влагая в уста своего учителя сокровища своей собственной мысли». ²

Философский мир архаичного общества не знает религии и теологии, в жизнь человека включена смерть, в тело – дух, всё гармонично и едино. К примеру, в пифагорейском союзе воедино сливались музыка, математика, философия – и синтезируясь в обобщенное, абстрактно выраженное знание, все эти направления выполняли функцию медитативной практики, очищающую душу и подготавливавшую адепта к узреванию истины. Любопытно, что, по Пифагору, философия не может открыть истину, она может только помочь мудрецу подготовиться к встрече с небесным откровением.

И что наиболее важно отметить на данном этапе – мир не знает зла. Даже рациональнейший Аристотель трактует зло как малую степень добра – и не решается двинуться дальше.

Традиционное общество начинается с вкушения запретного плода яблока знания о разделении добра и зла. Едва появляется эта расщелина – и время начинается разверзть бездну между сакральным верхом и профанным низом. Ведь если существует зло – оно не может быть от Небес? И если существует добро – то оно может быть только от Них?

Возникает понятие креационизма, где сакральное творит профанное, роль последнего отведена тварному миру. В традиционном обществе мы уже наблюдаем возникновение и постепенное доминирование теизма, который может допускать как наличие нескольких

2 Э. Шюре. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. URL: http://www.e-reading.ws/chapter.php/131450/48/Shyure_-_Velikie_posvyashchennye._Ocherk_ezoterizma_religiiv.html (дата обращения: 03.12.2014)

творцов и правителей (политеизм), так и только одного, Единого творца (монотеизм). В целом, однако, эпоха проходит под знаком монотеизации (Люцифер, например, падает именно как тварь, возмнившая себя богом – божественное изобилие постепенно сужается до монотеизма).

Любопытно отметить, что в мифогенной концепции греческая философия представлена двумя традициями: гомерово-гесиодовской и орфико-пифагорейской. Из их онтологической разницы вытекала и радикальная различность по социальной направленности: если последняя принадлежала к мистико-эзотерической традиции (действительно схватываемое познание доступно только инициированным, избранным, посвященным) той эпохи, которая трактуется в рамках нашей концепции как архаичная, то первая является, по сути, профанной традицией, религией всех (и не принадлежит философскому измерению). Мир уже не воспринимается как что-то сакральное, он расколдован, он увидел зло в себе. Он уже не сакрален, он сакрализован, носит постепенно высыхающую печать сакрального.

Онтологическая раздвоенность на сакральное и профанное привела и к возникновению социальной стратификации, где: Бог противопоставлен миру, власть – народу, мужчина – женщине.

Меняется и представление о времени: блаженный античный циклизм сменяется устремленной в один конец темпоральной стрелой времени, направление которой трактуется большинством учений (к примеру, установившимся позднее христианством) негативно. История представляется ожиданием страшного суда, время становится процессом засыпания бога. Таким образом, концепция энтропии появилась не в XIX веке, она была заложена уже в самом монотеизме. Именно поэтому только монотеистические религии авраамического толка (иудаизм, христианство, ислам) обладают возможностью перехода к модерну.

В средневековой картине мира сакральное еще явно присутствует в профанном во имя поддержания порядка, при котором более высокие ступени бытия лучше организованы, чем низшие – такая трактовка взаимоотношений сакрального и профанного получила название «теизм». При этом сакральное проявляет себя в тварном через чудеса (активное вмешательство Бога в мир). Но уже в средневековых спорах о будущем христианства (среди самых выдающихся контактных точек дискуссий следует особо отметить средневековый спор об универсалиях) постепенно прорисовывалось торжество Аристотеля над Платоном, классификации и разделения над синтезом. Проблема существования универсалий – правил, которые ограничивают присутствие Бога в мире, осмыслялась в направлениях реализма и номинализма, каждое из которых предложило свое решение этого вопроса: «интеллектуализм» (Фома Аквинский) и «волюнтаризм» (Уильям Оккам) соответственно.

По утверждению Людмилы Яковлевой, суть интеллектуализма в том, что «Бог не может преступить через логику существующих в Нем универсалий, общих понятий, которые оборачиваются для сотворенного мира логикой необходимости, законосообразности земных событий, кои человек должен познать и им следовать». ³ Иными словами, стремясь познать Божьи идеи, человек должен познавать окружающий его мир, находя в нем следы божественного присутствия, чудеса.

³ Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

В то же время волюнтаризм проистекает из доктринального обоснования номиналистами абсолютной свободы воли Творца, который буквально сотворил мир «из ничего». Если Бог есть недостижимый идеал, то его не могут сдерживать даже его собственные правила. Но и человек так же освобождается от каких бы то ни было обязательств: если мир творится не по плану, а по произволу, то никому не дано знать заранее волю Творца:

«Человеческий разум освобождается от знания, которое не им добыто; личность освобождается от гнета любого авторитета. Человек сам создает интеллектуальные схемы, которые структурируют его разнообразные отношения с миром, в том числе познавательные. Человек может познать только то, что им же самим смоделировано для осуществления акта познания. Здесь пролегает граница человеческой свободы. Волюнтаристы, будучи певцами абсолютной свободы Бога, в удел человеческому произволу оставили только тот участок бытия, который человек может освоить исключительно собственными силами». ⁴

Дальнейшее развитие философии через декларацию отделения мирского от божественного продолжило номиналистскую линию. Бритва Оккама срезала очарование миром, разрубая последние связи мира с богом, а философия начинает доминировать над религией.

Философские проекты, лежащие в основе исторической эпохи модерна, были созданы в XVII—XVIII вв. Людьми, оформившими предпосылки мировоззренческого переворота Нового Времени стали Рене Декарт и Исаак Ньютон. Иначе говоря, проект Нового Времени складывался из номиналистического эмпиризма севера и атомизма юга.

Поставленная Декартом в «Первоначалах философии» теоретическая задача описать мир как механизм, подчиненный универсальным законам, сохранится и будет притягивать многие выдающиеся умы. Он построил строго системную механистическую модель мира, вынеся за его пределы все нематериальное, одушевляющее, и приписав динамические функции бытия трансцендентному Богу, — тем самым открывая дорогу деизму.

Ньютон, оппонируя своему предшественнику, опять привнес в мир с помощью понятия силы, пронизывающей всю вселенную, теистические краски, поскольку «сила» исходит от Бога, который совершает через нее определенные действия в своем «чувствилище», абсолютном пространстве, тем самым осуществляя свое присутствие в мире. В дальнейшем физика откажется от понятия «сила», поскольку все ньютоновы уравнения оказалось возможным переписать без его использования.

К концу XVII в. утверждается картезианско-ньютоновская космология, которая легла в основу проекта модерна, и защитила следующие основные положения: Бог сотворил вселенную, или лучшую из возможных «машин»; между земным и небесным нет никакого различия, и все явления вселенной можно объяснить естественными причинами, или «законами природы», коих немного, они доступны пониманию и их можно описать простыми математическими формулами; природа, или материя, состоит из частиц, которые движутся по «законам природы» в однородном пространстве; вселенная ничем не ограничена, ибо невозможно помыслить ее границ.

Собственно же философские идеи и построения Декарта оказали значительное влияние на оформление и утверждение в западной культуре механистической картины мира,

4 Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL:

http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

благодаря им сформировалась так называемая субъект-объектная парадигма познания и практики.

Самым излюбленным способом описания взаимосвязи сакрального и профанного становятся часы (профанное) и часовщик (сакральное). Мир – это горшок ремесленника, который закончен и не требует более никакого в себе участия.

Декарт, рефлектируя над собственным творчеством, писал: «...мне многое дал пример... тел, созданных человеком: между машинами, сделанными руками мастеров, и различными телами, созданными... природой, я нашел только ту разницу, что действия механизмов зависят исключительно от устройства различных трубок, пружин... которые, будучи соразмерны руке мастера, всегда настолько велики, что их форму и движение легко увидеть, тогда как... трубки или пружины, вызывающие действия природных вещей, обычно бывают столь малы, что ускользают от наших чувств. И ведь несомненно, что в механике нет правил, которые не принадлежали бы физике; поэтому все искусственные предметы вместе с тем и предметы естественные. Так, например, часам не менее естественно показывать время с помощью... колесиков... чем дереву приносить плоды. Вот почему, подобно часовщику, который, рассматривая не им сделанные часы, обычно в состоянии по некоторым видимым их частям судить о том, каковы остальные, невидимые для него, так и я, рассматривая действия и осязаемые частицы естественных тел, пытался узнать, каковы причины этих явлений и каковы невидимые частицы».⁵

Это, по своей сути, и есть деизм, который выносит Бога за скобки его собственного творения: идеальное сакральное создало идеальное профанное и ему больше незачем вмешиваться в происходящее. Деизм реализует линию интеллектуалистов (мир сотворен Богом по совершенным моделям), учитывая также и линию волюнтаристов (Бог может все). Синтез обоих направлений осуществился диахронически: в начале времен Бог мог сделать все, что угодно, но затем он сделал свой выбор, будучи абсолютно благ. Думать что он, неизменный и постоянный, мог передумать и вмешаться в завершенное им же творение – это противоречие изначальной предпосылки божественности благодати. Так история человеческой мысли убивала чудеса. Религиозный стержень общества сменяется философской идеологией.

По сути, потребность в сакрализованном (и уж тем более в подлинно сакральном) Боге уже отпала, Декарт прибегает к нему только для того, чтобы постулировать объект (это четко видно на его апелляции к сакральному как к «гаранту истинности» инуитивного познания человека). В монотеистических религиях сохранялся миф – в виде керигмы.⁶ Это казалось модерну нерациональным. В итоге вся часть религии, которая несовместима с реальным, отбрасывалась. Бог деизма – это Бог реального и только он входит в эпоху модерна.

Философы, разрабатывавшие правила функционирования новой науки, потребовали исключить из теоретических построений Бога в качестве объяснительного принципа и искать только естественные причины для объяснения природных явлений. Таким образом, апелляция к сверхъестественному в философии и науке оказалась запрещенной.

⁵ Р. Декарт, ПЕРВОНАЧАЛА ФИЛОСОФИИ. URL:

http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dek/dekart_1_297.htm (дата обращения: 03.12.2014)

⁶ Здесь и далее термин употребляется в значении, которое имел ввиду Поль Ликёр. Кергима есть чистый Логос религии, ее рациональная часть, очищенная от мифологии. Вырастая из мифоса и противостоя ему, кергима также и отсылается к нему.

Модерн утверждает идею реальности и эта реальность редуцирует бытие. Концепт реальности постоянно уточняется, исправляется, выясняется, переконструируется, а научная парадигма механистического мира постоянно уточняет окружающий мир. Таким образом, Новое Время, став семантическим и концептуальным мировоззренческим переворотом, установило парадигму модерна.

Сакральное отвечало на вопрос «как?». Декарт раз и навсегда закрыл этот вопрос (не только в силу своей философской гениальности, но и в силу того, что сумев примирить предшествующие традиции, он создал метод, который стал базовым для всех следующих поколений философов). Модерн отвечает на вопрос «что?», это постоянное уточнение категории реального. Косвенным образом модерн убеждает нас не думать о смерти и сосредоточиться на реальном, настоящем. В историческом измерении модерна можно выделить экстенсивный и интенсивный периоды.

Картезианство дало старт эпохе *экстенсивного* модерна.

В гносеологическом измерении модерн базируется, как уже было отчасти показано, как методе Декарта – методе радикального сомнения. В попытках найти исходную точку истинного познания Декарт рассуждал следующим образом:

«Так как мы рождаемся детьми и составляем разные суждения о вещах прежде, чем достигнем полного употребления своего разума, то многие предрассудки отклоняют нас от познания истины; избавиться от них мы, по-видимому, можем не иначе, как постаравшись раз в жизни усомниться во всём том, в чём найдём хотя бы малейшее подозрение недостоверности.... Если мы станем отвергать всё то, в чём каким бы то ни было образом можем сомневаться, и даже будем считать всё это ложным, то хотя мы легко предположим, что нет никакого Бога, никакого неба, никаких тел и что у нас самих нет ни рук, ни ног, ни вообще тела, однако же не предположим также и того, что мы сами, думающие об этом, не существуем: ибо нелепо признавать то, что мыслит, в то самое время, когда оно мыслит, не существующим. Вследствие чего это познание: *я мыслю, следовательно существую*, — есть первое и вернейшее из всех познаний, встречающееся каждому, кто философствует в порядке. И это — лучший путь для познания природы души и её отличия от тела; ибо, исследуя, что же такое мы, предполагающие ложным всё, что от нас отлично, мы увидим совершенно ясно, что к нашей природе не принадлежит ни протяжение, ни форма, ни перемещение, ничто подобное, но одно мышление, которое вследствие того и познаётся первее и вернее всяких вещественных предметов, ибо его мы уже знаем, а во всём другом ещё сомневаемся».⁷

Однако любопытный исследователь может обратить внимание, что именно здесь, в дебрях истории человеческого ума, появляются первые ростки постмодерна (как углубления в критику модерна). Оппонентом, продолжателем дела и в каком-то смысле наследником традиции Декарта стал Иммануил Кант, полемично выступивший против картезианского метода. Если Декарт предложил сомневаться во всем кроме ментального, Кант предложил сомневаться и в Декарте. Кант вводит два измерения действительного бытия – ноуменальное и феноменальное – и замыкает, таким образом, нововременную традицию. Первое измерения транслирует божественные идеи и не может быть познано человеческими усилиями. Второе измерение генетически связано с первым и познается человеком через априорные формы мышления.

⁷ Декарт, Рене. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15649> (дата обращения: 03.12.2014)

Как отмечает Людмила Яковлева, принципиальное различие этих двух философов заключается в том, «что у Декарта подход «объективистский», он занимает наблюдательный пост как бы со стороны Бога, а у Канта взгляд на познание со стороны субъекта. Во-вторых, субъект-объектная схема познания задается Кантом учением об априорных формах познания, существующих у каждого субъекта. Благодаря им организуется (Кант даже пишет: конструируется) эмпирический опыт, так как они оформляют чувственные впечатления, превращая созерцания в знания». ⁸

Философская парадигма кантианства совершенно иным и доселе невиданным образом углубляет философскую проблематику как онтологии, так и гносеологии. Мыслить по Канту – значит ходить в поле, которое не принадлежит никому – так появляется трансцендентальность разума. Если Декарт начал разрушение философской триады, вынеся за скобки Бога, то Кант выносит за скобки и объект: все создается трансцендентальным разумом. В рамках такого расширенного понимания *cogito* можно, казалось, сохранить хотя бы субъект. И здесь лежит ключевая проблема в понимании Канта (а через него – и одного из ключевых проблемных моментов модели истории, которую мы рассматриваем).

В интерпретации постмодерна, Кант – это не субъективный идеалист, поскольку, по Канту, не субъект конституирует объект своим разумом, разум не принадлежит никому, он фундаментально трансцендентален, а субъект – недостоверен, он просто гипотеза. С другой стороны, Канта нельзя причислить и к изоциренному теологу-реакционеру. Сущность учения Канта раскрывается в его «Критике практического разума», где практический разум выступает как коллективная онтология, волевым усилием восстанавливающая философскую триаду через мораль, волю, императив («было бы хорошо, если бы Бог был»). Так появляется коллективный Бог морали.

Как отмечает Александр Дугин, «Кант, по сути, строго продолжал основную линию философии Нового времени, радикально прочерченную Декартом - разведение по разные стороны субъекта и объекта и утверждение центральности гносеологии (теории познания) в качестве наиболее надежной основы философствования. Только Кант делал на этом пути важнейший рывок и демонстрировал, что онтологическая субстанциальность ни субъекта, ни объекта не может быть строго выведена из структур рассудка (чистого разума), и это противоречие разрешимо лишь в обращении к волевому моральному началу, составляющему основу практического разума». ⁹

Здесь слышны созвучия тех тенденций, с которыми мы имеем дело сегодня: если Декарт и Ньютон познавали, уточняли и углубляли реальность, то Кант уже напрямую начинает рассматривать возможности ее конструирования, Кант создает реальность, придавая гносеологическим интенциям человека несоразмерное ни с чем доселе значение. Именно эту часть учения Канта взяли на вооружение философы постмодерна, совершенно проигнорировав гуманистические и просветительские аспекты кантианства.

И в этом смысле Кант является одним из самых выдающихся и блестящих знатоков модерна (как движения к постмодерну). В случае с этим философом мы уже имеем дело с **интенсивным**, истончающимся модерном. Ницше, если бы не придавал стилистической разнице большого значения, увидел бы в Канте своего предтечу. Ведь воля к жизни – это практически кантианский категорический императив, цементирующий и сливающий в

⁸ Л. Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf (дата обращения: 03.12.2014)

⁹ А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 03.12.2014)

себе философскую триаду заново. Кант положил начало сомнению в сомневающих, размягчению солидного модерна (от английского *soild* – твердый).

Его удар завершил Мартин Хайдеггер, последний философ модерна. Он поставил перед собой задачу разработать фундаментальную онтологию модерна и для этого ему пришлось тщательно изучить философски предшествующую ему историю. Некоторые аспекты его философии точно соответствуют той модели парадигмального анализа, которую мы обсуждаем. В ходе своего изучения Хайдеггер пришел к выводу, что вся история западной философии есть процесс забвения вопроса о бытии (*Seinsfrage*), процесс дезонтологизации, последовательно осуществлявшийся Платоном (подмена бытия интеллектуальным созерцанием), христианством (креационистская догматика) и Декартом (отождествление онтологии с рассудочным размышлением). Линия Декарт-Кант-Ницше представляется выяснением масштаба «удаленности бытия», которое своим существованием постепенно создает «пришествие ничто». Модерн Хайдеггера – это воплощение максимально возможной интенсивности. Все последние книги Хайдеггера – это рефлексия над его озарением про *Dasein*, «вот-бытие», «мыслящее присутствие», которое замещает всю философскую триаду, делает сущее сущим, но само не становится сущим (по принципу «реки» Гераклита). Согласно Александру Дугину, «*Dasein* – это факт мыслящего присутствия, но не в смысле субъекта Декарта или кантианского «чистого разума», а как нечто первичное нахождение «чего-то» между (объектом и субъектом, внутренним и внешним)». ¹⁰

Обосновав таким образом новое возможное начало онтологии, Хайдеггер весь остаток своей жизни искал возможности его реализации – что нашло отголоски, в частности, среди немецких идеологов консервативной революции. Но реализации не случилось. *Dasein* стал последним словом исчезающего модерна. Модерн вынес за скобки Творца и сосредоточился на реальности. Последний философ модерна Хайдеггер прочувствовал возрастающую нигилистичность концепта реальности – и проложил парадигмальную границу между модерном и следующей фазой истории.

Системная философская логика модели истории, которую мы рассматриваем, заключается в том, что убив Бога, убив объект, человек в итоге должен был также и философски ликвидировать субъект, то есть, себя. Однако история повернулась по-другому и просто-напросто элиминировала философскую триаду на корню. С XVII века вплоть до XX века история представляла собой попытки того или иного возрождения подлинного бытия в рамках философской триады, опираясь на тот или иной ее узел. Идеализм и материализм апеллировали и к субъекту, и к объекту, иногда – и к Богу. Философия (Гегель) и наука (Маркс) в разное время примеряли на себе одежду последней божественной инстанции. Однако ряд кровавых войн XX века выявил несостоятельность всех идеологий, всех революций, растущее бессилие инструментария модерна ответить на те вызовы, которые он сам же себе и поставил. На границе с постмодерном реальность выступает в своем наиболее откровенном виде – как ничто. Это и является началом постмодерна.

Основы постмодерна (или постфилософии) заложил, в первую очередь, **Франсуа Лиотар**. В своей знаменитой работе «Состояние постмодерна» Лиотар начинает с вполне классической стартовой позиции, подчеркивая освободительную роль Нового Времени и на первый взгляд выглядит как адепт эпохи модерна. Однако Лиотар описывает логику формирования модерна с критических позиций и довольно быстро приходит к выводу, что это формирование является систематическим и планомерным предательством

10 А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 03.12.2014)

изначальных импульсов модерна. Более того, если Хайдеггер приходил к выводу о постепенной дезонтологизации модерна, то Лиотар проводит свое нападение с другого фланга. Он вводит понятие метанарратива, повествовательной структуры, характеризующей определенный тип дискурса, своего рода «социальной мифологии». И, по Лиотару, модерн, поверхностно отрицая эпоху премодерна, на деле дублировал его метанарратив, заменив ряд мифологем и ключевых персонажей пьесы (Бог – человек, теология – наука, вера – знание, иерархия – демократия).

При этом и метанарратив премодерна, и метанарратив модерна суть деспотичны и авторитарны, поскольку системная логика дискурса диктует в первую очередь приоритет сохранения текущего положения дел и защиту разветвленной системы социальной мифологии до последнего. Иными словами, диктат, авторитарность и деспотизм перестают быть качеством эпохи, а заложены в самой структуре любого метанарратива. Естественным образом в центр парадигмы постмодерна попадает все экс-центричное, выпадающее из логики метанарратива.

Обогатил звучание постмодерна *Жиль Делёз*. По нему, модерн просто не обладал должным инструментарием, чтобы завалить вертикаль метанарратива, которая находилась в итоге в положении Пизанской башни. Завал этой самой вертикали и горизонт абсолютной имманентности – вот кредо Делеза. Он предлагает убрать все идеологии, все дифференциалы прошлого, но сохранить философский подход, тот который создает и проводит себя через концепты, в отличие от мышления. Концепт Делез понимает как систему сингулярности, надстроенную **над** потоком мышления. Концепт – это вертикальная топика, новое единичное. И именно на нем строится новое время постиерархии. Любопытно отметить, что Делез предлагает сохранить философию, встроив концепт **в** поток мысли. В этом смысле предлагается уравнивать разум с безумием, опуститься в безумие, сохранив разум. Происходит отказ от эксклюзивности, разум не обращается в безумие, но погружается в него. Это приводит к расширению экзистенции: возникают сущности и состояния, которых прежде не было, а шизофрения становится логичной нормой бытия, неподчиненной метанарративу. Прошлое и будущее обладают смыслом, настоящее его лишено:

«Теперь мы можем лучше понять, в чем барокко — переходный период. Классический разум обрушился под ударами дивергенций, несовозможностей, несогласованностей, диссонансов. Но барокко — последняя попытка восстановить классический разум, распределяя дивергенции по соответствующему количеству возможных миров и располагая несовозможное в мирах, отделенных друг от друга границами. Возникающая в одном и то же мире дисгармония может быть чрезмерной: она разрешается в аккордах, так как единственные нередуцируемые диссонансы находятся в промежутках между разными мирами. Словом, барочный мир видит, как расплываются его мелодические линии, но то, что он как будто утрачивает, он вновь обретает в гармонии и через гармонию. Столкнувшись с могуществом диссонансов, он открывает цветение необыкновенных и трудно находимых аккордов, находящих свое разрешение в избранном — путь даже ценою проклятия — мире. Это воссоздание смогло оказаться разве что временным. Пришла эпоха необарокко — разобщенные серии наводнили один и тот же мир, несовозможности вторглись на одну и ту же сцену — ту, где Секст насилует и не насилует Лукрецию, Цезарь переходит и не переходит через Рубикон, а Фан убивает, делается убитым, и не убивает, и не делается убитым. В свою очередь, кризис переживает и гармония, что приводит к расширенному хроматизму, к эмансипации диссонанса, или не нашедших разрешения и не относящихся к одной тональности аккордов. Музыкальная модель более всего способна наглядно объяснить подъем гармонии в барокко, а затем и рассыпание тональности в

необарокко: от гармонической замкнутости к открытости по направлению к политональности или, как писал Булез, к «полифонии полифоний». ¹¹

И это настоящее артикулируется властью симулякра. При этом, у Делеза симулякр не мыслится как подделка, «которая еще лишь должна быть доведена до той точки, в которой она меняет свою природу и обращается в симулякр (момент поп-арта)». ¹² Симулякр является вторым модусом деструкции, осуществляя разрушение не «ради консервации и увековечения установленного порядка репрезентаций, образцов и копий», но «ради установления творящего хаоса». ¹³

Философскую традицию постмодерна продолжил развивать **Мишель Фуко**. Место Фуко в постмодерне определяется тем, что он, прежде всего, был историком идей. По Фуко, знание – это динамическая и постоянно меняющаяся система. Рассудок – это чисто историческое явление, которое движется вместе с историей и потому может лишь частично познать историю, являясь ее составной частью. Рождается такое важное для нашего исследования понятие как дискурс. По аналогии с волей к власти рождается воля к истине. В этом смысле близкой к Фуко выступает школа структурализма, по которой всё есть движение и мутация эпистем.

Оригинальный вклад в копилку постмодерна был внесен **Марселем Моссом**, который предложил концепт тотального социального факта: то, во что верит общество, становится социальным фактом. В своей работе «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» Мосс на обширном историческом и этнографическом материале показывает, что до развития товарных отношений универсальным средством обмена являются взаимные дары, которые, будучи формально добровольными, в действительности строго обязательны. Из идеи «тотального социального факта» вытекает установка на комплексное исследование социальных фактов и выявление наиболее фундаментальных из них в конкретных социальных системах.

Его идею любопытным образом продолжил **Жорж Батай** своим учением о проклятой части истории. Это учение отталкивалось от эквивалентности обмена в традиционном обществе и его страха как потерять имеющееся, так и приобрести лишнее. Проклятая часть – это накопленное, прогресс – это проклятие. И если, по Бэкону и Локку, история была накоплением знания, то, по Батаю, история (капитализм, прогресс) стала накоплением проклятия. Через свой оригинальный реакционизм Батай, будучи философом постмодерна и понимающий невозможность обернуть историю вспять, предложил вернуться к культуре пещер и праздничных оргий.

Наиболее приближенным к теориям информационного общества из всех философов постмодерна является **Жан Бодрийяр**. Среди прочих его концептов выделяется концепция симулякров, играющих важнейшую роль в постмодерне как «копии без оригинала». Двойственная природа симулякра заключается в том, что это виртуальный объект (пост-объект), который появился в полном отрыве от всякого смысла и всякой пользы, полностью отрезанный и от обозначающего и от обозначаемого – и потому оригинальный. Но поскольку за симулякром не стоит никакое бытие, нет никакой реальности – а значит,

11 Ж. Делёз. Складка. Лейбниц и барокко. URL:

http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque.htm (дата обращения: 03.12.2014)

12 Ж. Делёз. Логика смысла. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica2.txt> (дата обращения: 06.12.2014)

13 Ж. Делёз. Платон и симулякр. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php (дата обращения: 06.12.2014)

он абсолютно несамостоятелен – он является универсальным символом, в силу размытости смутно знакомый всем и вызывающий ассоциации у всех. Как отмечает Александр Дугин, «в симулякре нет даже той остаточной онтологичности, которая пусть даже обратным – нигилистическим – образом присутствовала в объекте парадигмы модерна. Симулякр вообще не находится с онтологией ни в каких отношениях. Он не только ее не утверждает, он даже ее не отрицает». ¹⁴ Симулякр – это последний симптом исчезновения бытия, не изгнанного (модерн), а забытого (постмодерн). И это снимает все возможности какой бы то ни было онтологической верификации. Отсюда можно сделать далеко идущие выводы: ведь основная потенция виртуального потока симулякров направлена на то, чтобы никому и никогда не пришло в голову ничего сверять с бытием. А модерировать и направлять этот поток можно с помощью искусных коммуникационных или социокогнитивных практик воздействия.

Делез иллюстрирует эту мысль примером из Катехизиса: «Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие, сохранив, однако, образ. Мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое. <...> Конечно, симулякр еще производит впечатление подобия; но это — общее впечатление, совершенно внешнее и производимое совершенно иными средствами, нежели те, которые действуют в первообразце. Симулякр строится на несоответствии, на различии, он интериоризирует некое несходство». ¹⁵ Это конструкция, которая включает в себя угол зрения наблюдателя, с тем чтобы иллюзия возникла в той самой точке, в которой находится наблюдатель. «Симулякр включает в себя дифференциальную точку зрения; наблюдатель сам оказывается составной частью симулякра, который меняется и деформируется вместе с изменением точки зрения наблюдателя. Короче, в симулякре наличествует безумное становление, неограниченное становление... вечно иное становление, глубинное субверсивное становление, умеющее ускользнуть от равного, от предела, от Того же Самого или от Подобного: всегда и больше и меньше одновременно. Но никогда не столько же». ¹⁶

Внимательно изучая средства массовой коммуникации в эпоху расцвета телепродукции, Бодрийяр приходит к выводу, что образ опередил и победил реальность, «навязывает реальности свою имманентную эфемерную логику, эту аморальную логику по ту сторону добра и зла, истины и лжи, логику уничтожения собственного референта, логику поглощения значения...». ¹⁷ Образ «выступает проводником не знания и не благих намерений, а, наоборот, размывания, уничтожения значения (события, истории, памяти и так далее)». ¹⁸ Результат — поглощение реальности ирреальностью, «прохладное», функциональное удовольствие, которое нельзя назвать в буквальном смысле эстетическим, бесстрастное, механическое наслаждение. Такова, пишет Бодрийяр, «логика симулякра: место божественного предопределения занимает столь же неотступное предшествующее моделирование». ¹⁹

14 А. Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 06.12.2014)

15 И. Скоропанова. Русская постмодернистская литература. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

16 Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

17 Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

18 Там же. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

19 И. Скоропанова. Русская постмодернистская литература. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)

В таких условиях, жизнь, по мнению Бодрийяра, проходит под покровом знаков и в отказе от действительности: «Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней»? ²⁰

Это позволяет постулировать утрату «тайны власти»:

«...вызов принять на себя всю власть до конца, которым может быть лишь смерть угнетенных. Это вызов власти быть властью: тотальной, необратимой, свободной от угрызений совести, прибегающей к беспредельному насилию. Никакая власть не осмеливается зайти так далеко (где в любом случае она бы тоже погибла). И вот здесь, перед этим вызовом без ответа, она и начинает рушиться. Было время, когда власть соглашалась пожертвовать собой согласно правилам этой символической игры, которой она не в силах избежать. Время, когда власть была эфемерным и смертоносным свойством того, что должно быть принесено в жертву. С тех пор как она постаралась ускользнуть от этого правила, то есть перестала быть властью символической, чтобы стать политической властью и стратегией социального господства, символический вызов не перестал преследовать власть в ее политическом определении и разрушать истину политики. Сегодня под действием этого вызова вся субстанция политики рушится. Мы дошли до того, что никто больше не берет на себя власть и больше не хочет власти, и не в силу какой-то исторической слабости или слабости характера, но потому что ее тайна утрачена и никто больше не хочет принимать брошенный ей вызов. Действительно, достаточно заключить власть во власти, чтобы она разлеталась на куски». ²¹

По Бодрийяру, история больших рассказов заканчивается, потому что история, одержимая ужасом своей смерти, создавала симулякры самой себя (где, например, празднование 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции важнее самой революции). Большие рассказы модерна кончились, PR становится отделением на философском факультете МГУ имени Ломоносова, реальность перетекает в виртуальность. Наступает время заведомо лишенных смысла малых рассказов.

Ознакомившись с основными именами трехфазовой исторической модели постмодерна, ее именами, проблемными границами и концептами, схематически покажем еще раз как разворачивалась эта модель:

Поль Ликёр предложил концепцию философски двухэтажного общества по типу состояние1/состояние2, где под состоянием1 понимается кергима, а под состоянием2 - миф.

Западная трехфазовая модель выглядит следующим образом:

Архаика – Традиция/Архаика – Модерн/Традиция – Постмодерн/Модерн (здесь умирает история) – **Постмодерн**.

Последний этап – постистория, конвергенция, произвольно модулируемая сетка заведомо лишенных смысла малых рассказов, виртуальность, жонглирование «смыслами».

При этом модель России существенно отличается:

²⁰ Ж.Бодрийяр. Общества порабления. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=106836&p=4> (дата обращения: 03.12.2014)

²¹ Ж.Бодрийяр. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. - С. 105

Архаика – Традиция/Архаика – Модерн/Архаика (архаика не сменяется традицией, поскольку Россия проспала ее, мы проспали средневековые споры схоластов, спор об универсалиях и так и не познали подлинной победы Аристотеля над Платоном (подробнее см. Николая Бердяева, «Новое Средневековье»). При этом модерн оказывается на верхнем этаже практически одновременно с Западом, но он устанавливается Петром I сверху, насильственно, он не бурлил из центра. Второй такой случай – 1917 год, когда большевики индустриализовали Россию почти наравне с Западом, учреждая капитализм, которого не было, для реализации большевистского проекта) – **Постмодерн/Архаика**.

Иными словами, цокольный этаж России, ее онтологический фундамент, в силу разных факторов, оказался вечнонеизменным философским началом. В конечном итоге, именно оно и стало саботирующим началом практически каждой реформаторской деятельности в России – и объясняет, например, сравнительно быстрое перетекание социальной веры русского народа из метанарратива империи в большевизм, а из большевизма – в авторитарное государство наших дней.

Модерн для нас все еще остается предметом социального, философского и политического завоевания. Разумное государство, политическая субъектность нации, личная ответственность, общественный договор, парабола пчел, Маккиавелли и Локк – все эти открытия нам так или иначе еще предстоит сделать. Октябрьский переворот 1917 года развернул Россию в сторону жестко управляемой сверху системы, и русский народ так и не столкнулся с бездной свободы, которая перживалась Кафкой, Камю или Сартром. Однако верхний этаж России совпадает сегодня с социофилософским трендом западной цивилизации – и по этому полю проходит тонкая борьба за семантическую нагрузку постмодерна.

Как мы могли увидеть, постмодерн строится на исключительном отрицании проекта, метанарратива. Именно поэтому список концепций и имен, предложенный эпохой постмодерна так широк и ситуативен. Системная логика новой философской «нормальности» – это сетевая логика возникновения и распространения свободно модулируемых малых рассказов, где у каждого человека есть реальная возможность стать автором, а у каждого автора есть шанс на минуту славы. Однако, несмотря на всю ускользающую суть постмодерна, все же есть возможность выделить ряд ключевых характеристик этой эпохи:

Во-первых, реальность постмодерна представляет собой виртуальный поток симулякров, которым можно манипулировать в любом направлении.

Во-вторых, в силу отрицания любого рода больших проектов, метанарративов, поток симулякров является основным инструментом по созданию произвольных малых рассказов, которые распространяются по сетевому принципу. Таким образом возрастает авторский потенциал человека.

В-третьих, знание в постмодерне понимается как ситуативный, динамический и постоянно меняющийся процесс свободного описания картины мира.

В-четвертых, онтологический фокус постмодерна направлен на интеллектуальную игру с текстом. Эта игра ведется ради себя самой, децентрализованно и не подчиняется никаким вертикалям, метапроектам или большим рассказам.

В-пятых, постмодерн примечателен своим конвергенционным потенциалом: при неортодоксальном подходе к истории и игровому отношению к ускользающей реальности,

В постмодерне происходит конвергенция всего, от идеологий и научных школ до медиаплатформ.

§2 Научная артикуляция «новой нормальности»

Я думаю - следовательно, я произвожу.

«Информационная эпоха: экономика, общество и культура»

М.Кастельс

Философская темпоральная модель времени, заключающаяся в трех ступенях «премодерн-модерн-постмодерн» удивительно созвучна своим строением западным теориям информационного общества и теориям коммуникаций. Третья волна Элвина Тоффлера, предсказанная в 60-ые годы прошлого столетия, почти дословно повторяет проявления постмодерна в современном медиадискурсе.

В данном разделе мы в общих чертах опишем зарождение и развитие теорий постиндустриального общества, их качественное преобразование в теории информационного общества. В целом, мы будем руководствоваться тем же подходом, что и в разделе выше. Различие заключается в том, что теоретики информационного общества во многом не совпадают друг с другом в исторических моделях, которые они предлагают, тезаурусе, концептах и оценке происходящих изменений в мире «новой нормальности». Иными словами, у нас не получится выполнить поставленные этим разделом задачи никаким иным способом кроме как рассмотрим каждого теоретика и предлагаемой им модели в отдельности (за исключением тех случаев, когда мы имеем дело с научной школой). Не менее важно и заранее отметить западоцентричность описанных ниже моделей – особенно наиболее ранних из них.

Методологический базис теории постиндустриального общества начал формироваться в конце первой половины XX века в работах Колина Кларка и Жана Фурастье, которые разделяли общественное производство на три уровня - сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг – и полагали, что последний станет определяющим фактором развития мировой экономики в будущем. Любопытно отметить, что Фурастье в своей оптимистичной оценке этих тектонических изменений очень близок к классикам постиндустриализма, и уже на этом уровне у нас есть возможность выделить среди них господство технократии, вовлечение человека в интеллектуальный труд (в противовес производству), снижение классовой борьбы и пр. Так был заложен первый камень в основание сияющего здания теории **постиндустриализма**, концепты которого оформлялись и уточнялись Раймоном Ароном, Дэниэлом Беллом, Ёнедзи Масудой.

Как и философы постмодерна, авторы постиндустриализма видят историю как трехфазный процесс последовательной смены типов цивилизационной организации. Каждая фаза в этой модели выводится из ориентации общества на ту или иную экономическую деятельность, которая приводила к формированию ряда важнейших социальных, культурных и политических традиций, от стиля мышления до способа общения и картины мира.

Первая фаза, традиционная (или доиндустриальная), основывалась на сельском хозяйстве и отличалась жесткой социальной структурой, синкретичным мышлением и авторитарными формами культуры.

Вторая фаза, индустриальная, основывалась на обновленной структуре производства (машинная индустрия, конвейерное производство, НТР как основной инструмент развития экономики и источник блага общества), что привело к ряду трансформаций в других сферах общества: политической (приобретение нациями политической субъектности и

дальнейшее движение в сторону демократии и либерализма), социальной (стандартизация, массовость, урбанизация) и окончательном оформлении западного проекта, разработанного в Новое Время (рациональный индивидуалистический стиль мышления).

Третья фаза, постиндустриальная, основывается на второй стадии и является ее качественной трансформацией. Экономика переориентируется с производства товаров на сферу услуг, способ организации технологической сфера – на интеллектуальные технологии, социальная стратификация – с классовой дифференциации на профессиональную (конфликт труда и капитала заменяется конфликтом компетентности и некомпетентности). Последнее, в свою очередь, выдвигает на первый план феномен знания и профессионализма (в смысле основных институтов влияния трехфазная концепция постиндустриализма подчеркивает переход от армии и церкви через фирму и корпорацию к университету, где аккумулируется, производится и распространяется знание), что реорганизует культурную сферу, которая переориентируется на компьютеризацию и интеллектуализм. Общество фрагментируется на социально недетерминированные «информационные сообщества».

При том, что концепция, в целом, предлагала новый и свежий взгляд на процессы эволюции человечества в истории и основывалась на реальных тенденциях конца первой половины XX века, она в то же время обладала рядом недостатков: помимо уже отмеченной западоцентричности, она также отличалась оптимистической наивностью и догматизмом, мало было сказано, по аналогии с концепцией Ликёра, и о возможном сожительстве всех трех фаз в едином географическом пространстве (что было бы особенно актуально, например, для российских реалий). Вдобавок, стремительное развитие технологий во второй половине XX века существенно углубляло, развивало и трансформировало тенденции, существующие в первой половине столетия.

Однако XX век в силу ряда причин (повышение уровня жизни, улучшенный доступ к знаниям и пр.) представляет собой подлинную сокровищницу интеллектуальной жизни и чрезвычайно богат разного рода неортодоксальными теориями, пересматривающий классический и ориентированный на массовую аудиторию подход к истории. В силу этой тенденции ревизия постиндустриализма была совершена довольно быстро – и новая альтернатива не заставила себя ждать. В 70-ые годы постиндустриализм постепенно вытесняется концепцией информационного общества, которая учла, в целом, возрастающее доминирование в экономике производства и распространения знания, появление так называемой «информационной экономики», становление информации и коммуникации главными доминирующими ресурсами (как экономическими, так и ресурсами влияния) и постепенный отход от свободной конкуренции индустриального общества к синергетической и сетевой рациональности нового общества. Важно отметить более гибкий по сравнению с постиндустриализмом характер этой теории, ее неоднородность, а порой и противоречивость. Не следует забывать и о том, что характеристики новой коммуникационной среды, которая еще не является свершившимся фактом, требует прояснения новых правил игры, артикуляции ее программного обеспечения, ее возникающие структура и механизмы еще не являются до конца изученными, да и вряд ли могут быть проартикулированы в полной мере – иначе говоря, мы имеем дело с научной концепцией, которая так же динамично меняется, как и общество, которое она пытается описать. А оно, как было показано при анализе дискурса постмодерна, уже не может быть до конца онтологически прояснено.

Первая серьезная концепция была предложена **Торонтской школой теории коммуникаций**, которая была разработана учеными из Торонтского университета (Гарольд Иннис и Маршалл Маклюэн). Если постиндустриалисты говорили об информации и коммуникации только по той причине, что экономический базис общества сдвинулся от

сельского хозяйства и машинного производства в сторону информационно-сервисного сегмента, то Иннис и Маклюэн понимали средства массовой коммуникации как основного агента влияния на развитие цивилизации от первобытного общества до XX века.

Гарольд Иннис первым указал на связь между социальным устройством цивилизации и его основным типом медиа, взаимосвязь исторического развития человечества и развитие коммуникационных технологий, которые тем или иным образом формировали потоки знаний и информации, выкристаллизовываясь в общества соответствующего типа.

Сам Иннис выявил два типа медиа: основанные на времени (time biased) и на пространстве (space-biased). Если представить мир как систему координат, где ось у – это время, а ось х – это пространство, то временные медиа устремляются вверх, а пространственные скользят по горизонтали. Расширенно понимая «средство коммуникации», к временным медиа Иннис относил долговечные и тяжелые платформы, способные пережить века (камень или глина для памятников, мрамор для соборов и пр.), а к пространственным – удобные для перемещения в пространстве и легкие (вроде бересты, бумаги или папируса). Первые позволяют цивилизации «расшириться» во времени, вырасти по оси у, а вторые – в пространстве, вырасти по оси х.

В этом заключается баланс цивилизационной модели, ведь если здание будет слишком высоким – оно обвалится, а если защитная стена будет слишком протяженной – ее обязательно пересекут враги. Без временных медиа государство размывает свои традиции, социальную идентификацию, драгоценное «Civis Romanus sum!» просто не может состояться. В то же время, сжатие государства в узких географических границах противоречит системной логике экспансии и расширения во имя процветания.

Иннис обращал внимание на монополизацию знания и средств коммуникации политическими элитами во все эпохи, что приводило к централизации знания и власти. При этом элиты не понимали важности указанного выше баланса типов медиа, что и послужило причиной крушения большей части государств в истории. Одним из примеров умелого достижения баланса Иннис считал Древнюю Грецию (финикийский алфавит и устная традиция).

Продолжая метод Инниса, революционную концепцию исторической динамики развития цивилизации предложил **Маршалл Маклюэн**, который сосредоточился на проблемном соотношении типа и способа коммуникации. По Маклюэну, форма коммуникации не только консолидирует социальную организацию, но и является источником генерации ее смыслов, а также выступает механизмом ее культурной интерпретации и понимания. Тип коммуникации Маклюэн называет коммуникационной технологией, и она способна креационировать социальный мир (Маклюэн называет их «галактиками»).

На основе этого Маклюэн создают собственную модель исторического развития, которую нельзя назвать строго вертикальной (как постиндустриализм или постмодерн), где каждая эпоха основывалась на определенной коммуникационной технологии.

К примеру, первобытно-племенное общество основывалось на устной технологии. Возникновение письменности обогатило устную традицию, не вытеснив ее – и на этом синтезе выстроилось традиционное (доиндустриальное) общество. Более того, Маклюэн отмечает и разницу между иероглифической и фонетической письменностью, при которой последняя, в силу своего словотворческого потенциала и более высокой детализации во многом способствовала созданию западного проекта и его научно-техническому и экономическому углублению через систематическую и рациональную философию и стремительное развитие книгоиздательства.

Другой важной вехой в исторической картине коммуникационных технологий Маклюэн считает изобретение Гутенберга и эру типографского станка, которая породила «культуру зрения» (Маклюэн называет ее «галактикой Гутенберга») индустриального общества. Такой письменной, книжной «культуре зрения» ученый отводит ключевую роль в формировании массового стандартизированного образования и ликвидации безграмотности, промышленной революции, национальных государств (стало возможным поставлять книги, написанные или переведенные на национальный язык, широкому читательскому кругу). Индустриальное общество подарило человеку возможность выборочного, вдумчивого, критического и медитативного потребления информации, реализуя, таким образом, философские установки проекта Нового Времени. Оно также подарило человечеству и атомизацию наравне с отрывом от действительного опыта жизни (опыт передавался не из уст в уста от отца к сыну, а через письменные носители знания – и от кого угодно).

Электронная эпоха, следующая за галактикой Гутенберга, с помощью новых интеллектуальных технологий вернет человеку общность («тотальное объятие»), поскольку сетевые электронные технологии позволят мгновенное передавать информацию, реагировать на нее, стирая и разрушая территориальные барьеры человечества. Такое общество Маклюэн нарекает «глобальной деревней». Однако, как и в случае с устройством письменного языка, ученый замечает более глубокие трансформации, которые подарит «глобальная деревня»: за счет максимально облегченного доступа к информации, коммуникации и знанию – при мгновенно реагирующей и отлаженной мировой коммуникационной сети – платформы медиа становятся естественным «продолжением человека», что вызовет фундаментально иную структуру индивидуального и общественного сознания, при котором общее стандартное и массовое общество станет перетекающей и децентрализованной паутиной со свободно модулируемыми сообществами. Эта возможность создавать с нуля новые общности и становится заологом новой целостности «глобальной деревни».

Новое звучание коммуникации было проартикулировано и в научном творчестве **Юргена Хабермаса**. В своих трудах Хабермас предлагает «нейтрализовать» антагонистические социальные противоречия через публичные дискуссии активной, «политически функционирующей» общественности и постепенно «ликвидировать» идеологии, что позволит установить «всеобщее социальное согласие» в обществе «свободных от принуждения коммуникаций». В концепции Хабермаса гносеологизм носит подчеркнуто коммуникативный характер. По мысли философа, социальная регуляция и артикуляция социальных правил осуществляются через дискурс соглашения и языковое взаимопонимание – иными словами, новый общественный договор социального согласия будет практически реализовываться через коммуникативную модель преобразования общества, где познание и коммуникация взаимообуславливают друг друга.

Любопытно отметить, что при этом Хабермас выделяет два типа власти, которые проводятся через коммуникацию:

«Мы можем различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями. Как оба процесса – спонтанное формирование мнений благодаря автономным объединениям

общественности и организованное обретение лояльности масс - проникают друг в друга, какой из них пересиливает другой - это вопрос эмпирический».²²

В интересующий нас вопрос значения средств массовой коммуникации в процессах исторического и общественного развития сделал и американский ученый, философ и футуролог **Элвин Тоффлер**. Сосредоточившись на развитии технологий и их роли в преобразовании социальных процессов, Тоффлер продолжал линию Дэниэла Белла, Збигнева Бжезинского, Ричарда Пайпса, Томаса Куна – иначе говоря, всех адептов новейшей американской парадигмальной социологии.

Любопытно, что Тоффлер называет свою работу «практопией» - и отрешивается, таким образом, от наивного оптимизма и идеализации происходящих процессов, которые он изучает. Тоффлер кропотливо и методично описывает мир, которому он является свидетелем, и тенденции, которые разовьются в мир, свидетелем которого он станет: социальное, экономическое, культурное – он затрагивает все измерения, даже будущность политической деятельности. И наравне с позитивными трансформациями Тоффлер подчеркивает: в этом новом мире будет место и грязной политике, и болезням, несправедливости, и экологическим катастрофам.

Практопия значит практопическое будущее, цивилизация, «поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие. Цивилизация, в значительной степени организованная вокруг дома. Цивилизация, не застывшая, но пульсирующая, непрерывно порождающая новое, и в то же время способная обеспечить стабильность тем, кто в ней нуждается. Цивилизация, которая не отдает все свои силы и энергию рынку. Цивилизация, способная направить сильные страсти в искусство. Цивилизация, стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов (приведем лишь один пример - выбор между генетикой и эволюцией) и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять. И наконец, это демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой и не попадающая в опасную экономическую зависимость от остального мира. Достигнуть всего этого - трудная задача. Но выполнимая».²³

Тоффлер не только предложил собственную трехфазную модель развития цивилизации, но и отличается от своих коллег более стратегическим, масштабным видением истории и внимательным отношением к трансформации бытовой жизни общества в мире постоянных перемен. Модель Тоффлера представляет собой последовательность сменяющих друг друга трех волн. Каждой волне соответствует этапы постиндустриализма (доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная), однако Тоффлер насаждает эту концепцию на революции средств массовой информации. Несмотря на то, что сам автор признает, что релевантный современным тенденциям тезаурус все еще не выработан, большая часть его умозаключений была оправдана временем:

«Мы подыскиваем слова, чтобы описать всю мощь и размах этих необыкновенных перемен. Некоторые говорят о смутном космическом веке, информационном веке, электронной эре или глобальной деревне. Збигнев Бжезинский сказал, что мы стоим перед технотронной эрой. Социолог Дэниэл Белл описывает приход "постиндустриального общества". Советские футурологи говорят об НТР - "научно-технической революции". Я

22 Г.Семигин. Антология мировой политической мысли. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/47.php (дата обращения: 03.12.2014)

23 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 552-553

же много раз писал о наступлении "супериндустриального общества". Однако ни один из этих терминов, включая мой собственный, не является адекватным». ²⁴

Первая волна аграрного общества сконцентрировала коммуникацию внутри маленьких групп людей, что привело к становлению церкви и толпы как двух основных СМИ, при этом первой ученый придает особое значение:

«В средневековой Западной Европе католическая церковь благодаря своей исключительной организации находилась ближе всего к тому, что можно назвать устойчивым, долго существующим средством массовой информации - единственным, которое было способно передать одно и то же сообщение большим популяциям людей, не считаясь с политическими границами. Эта уникальная способность дала Ватикану огромную власть по отношению к феодальным королям и князьям в Европе. Это частично служит объяснением и той непрекращающейся борьбы между церковью и государством, которая в течение многих столетий обескровливала Европу». ²⁵

Более того, Тоффлер отмечает, что практически все способы передачи информации за пределы семьи или поселения были в значительной мере закрыты для простых людей и использовались лишь для целей социального или политического контроля. В действительности они представляли собой оружие избранных.

Вторая волна основывалась на фабричном массовом производстве и потому, в силу экономических причин, нуждалась в экспансии информации, которая осуществлялась газетами, журналами, радио и телевидением, кино. Этот этап уничтожил коммуникационную монополию «избранных», потому что развитие технологий и установление машинного массового производства потребовали «массивных» движений информации, с которыми просто не могли справиться старые каналы связи:

«Информация, необходимая для экономического производства в "примитивных" обществах и обществах Первой волны, относительно проста, ее можно получить от кого-нибудь, кто находится поблизости, в виде устного сообщения или жеста. Напротив, экономика Второй волны нуждается в тесной координации работы, выполненной в разных местах. При этом должно создаваться и тщательно распределяться не только сырье, но и огромное количество информации». ²⁶

Разливая по колбам Вторую волну, Тоффлер выделяет следующие 6 принципов устройства и условий успешной реализации этой эпохи:

«У каждой цивилизации есть свой скрытый код - система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующей поведение миллионов: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация - приложима как к капиталистическому, так и к социалистическому крылу индустриального общества, поскольку они неизбежно выросли из одного и того же базового разрыва между производителем и потребителем, а также благодаря всевозрастающей роли рынка.

24 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 36

25 Э.Тоффлер. Метаморфозы власти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/12.php (дата обращения: 04.12.2014)

26 Э.Тоффлер. Третья волна. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_01.php (дата обращения: 04.12.2014)

В свою очередь, эти принципы, усиливая друг друга, неумолимо привели к росту бюрократии. Они создали самые крупные, жесткие и могущественные бюрократические организации, которые когда-либо существовали на земле, оставляя человека блуждать в напоминающем Кафку мире призрачных мегаорганизаций. И если сегодня мы чувствуем, что они подавляют и поработают нас, мы можем проследить источник наших проблем вплоть до того скрытого кода, которым запрограммирована цивилизация Второй волны».²⁷

Третья волна определяется постмассовым производством, а ее система функционирует наподобие предприятий с гибким производством: «изготавливает образную продукцию по специальным заказам и рассылает различные образы, идеи и символы группам населения, подобранным в соответствии с каким-либо общим признаком».²⁸ Основанная на неоднородной рабочей силе и неоднородном населении, эта система нуждается в разнообразии сообщений и медиаплатформ – гетерогенность спроса рождает гетерогенность предложения.

Проблематика модели Тоффлера заключается еще и в том, что волны уничтожают более ранние культуры, иначе говоря, мирное сожительство двух волн невозможно, как и невозможен, например, возврат от второй к первой, или переход от первой сразу к третьей. Это не столько дает нам понимание о жесткости концепции Тоффлера, сколько дает новый ключ для понимания политических, геополитических – и даже цивилизационных столкновений.

Пограничные состояния общества, в котором борются две волны – это, пожалуй, самый волнующий и самый онтологически важный момент в трудах Тоффлера, и это очень напоминает зарисовки тех же вибраций, которые мы видели у философов постмодерна:

«Сегодня в Соединенных Штатах, как и во многих других странах, столкновение Второй и Третьей волн порождает социальное напряжение, опасные конфликты и странные новые политические волновые фронты, которые идут вразрез с общепринятым разделением на классы, расы, партии, на мужчин и женщин. <...> Между тем средства массовой информации сообщают о кажущейся бесконечной серии нововведений, о крутых переменах, об удивительных событиях, убийствах, похищениях детей, о космических запусках, падениях правительств, рейдах командос и скандалах, которые, по-видимому, никак не связаны друг с другом. Эта очевидная раздробленность политической жизни отражается в дезинтеграции личности».²⁹

По Тоффлеру, мы имеем дело с двумя политическими конфликтами: на первом уровне разворачивается столкновение элит Второй волны, которые, однако, на глубинном уровне, сотрудничают во имя противостояния Третьей волне. Этим объясняется, например, почему политические партии представляют собой бесконечный дурной лабиринт кривых зеркал, с их повторяющимися программами, платформами и на деле руководствуются одними и теми же принципами, разделяют взгляды индустриальной эпохи, по сравнению с которой идеологическая разница теряется.

И здесь Тоффлер подходит к тезису, который нам очень пригодится позднее: история много раз показывала всю наивность попыток государств Второй волны насадить свое цивилизационное устройство в государствах Первой волны путем привнесения массового производства, образования, средств коммуникации. Аналогичным образом будут

27 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 115-116

28 Э.Тоффлер. Метаморфозы власти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/12.php (дата обращения: 04.12.2014)

29 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 46

выглядеть попытки государств Третьей Волны насильно «постмодернизировать» все еще развивающиеся страны.

Помимо этого, волны ускоряются: ученый обращает внимание, что если Первой волне потребовались тысячелетия, чтобы изжить саму себя, то Второй волне – всего 300 лет. Сегодня история обнаруживает в себе еще большее ускорение, и вопрос протяженности волны Третьей остается открытым.

Для сколько-нибудь достоверного анализа таких этапов человеческой истории Тоффлер предлагает воспользоваться термином Питера Ритнера – «проблемосплетение» - который определяет проблему как кризис, состоящий из сотен взаимодополняющих влияний десятков независимых, частично совпадающих источников и не поддающийся причинно-следственному анализу. Единственный научный метод, действительно работающий в «новой нормальности» - это анализ взаимосвязанности:

«Я уверен, что сегодня мы стоим на пороге новой эры синтеза. Во всех отраслях знаний - от точных наук до социологии, психологии и экономики, особенно экономики - мы, вероятно, увидим возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей снова в единое целое. Ибо становится ясно, что наше стремление рассматривать выдернутые из контекста количественные детали при все более и более точном исследовании все более и более мелких проблем приводит к тому, что мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем».³⁰

Наступает эпоха положительного нового мышления, новых могучих собирательных метафор, способных описать действительность, основанных на понимании новых связей и изяществе синтетического мышления. Тоффлер обращает внимание, что этот тезис уже начинает находить свое подтверждение в сфере западного образования, где все чаще высказываются идеи о междисциплинарном мышлении. «Перекрестное оплодотворение» идеями, интеграционный процесс обмена информацией – в «новой нормальности» именно такие черты становятся знаком качества научной деятельности. Подобные изменения в интеллектуальной жизни общества отразились и на культуре:

«Восточные религии, например, долгое время интересовали лишь крохотные группки из средних европейских классов. Но так было только до тех пор, пока разброд в индустриальном обществе не стал настолько серьезным, что тысячи западных молодых людей начали прислушиваться к тому, что вещают 16-летние гуру, носиться с индийскими свами, слушать индийскую музыку, открывать вегетарианские рестораны в индийском стиле и танцевать посреди 50-й авеню. Мир, о котором они неожиданно заняли нараспев, отнюдь не состоял из обломков разрушенного картезианского: это была "всеобщность"».³¹

Действие Третьей волны ведет атаку на каждый из 6 системнообразующих принципов Второй волны, и эта борьба еще не закончена:

«Сегодня, как мы вскоре увидим, каждый из этих фундаментальных принципов подвергается нападению со стороны сил Третьей волны. Действительно, существуют элиты Второй волны, все еще применяющие эти правила в бизнесе, банковском деле, трудовых отношениях, управлении, образовании, средствах массовой информации. Рост новой цивилизации бросает вызов всем законным интересам старой. В тех сдвигах и потрясениях, которые вскоре произойдут, элитам всех индустриальных обществ, столь привыкшим к установленным правилам, видимо, уготована участь феодальных сеньоров прошлого. Некоторые из них останутся. Некоторые будут свергнуты. Некоторые будут

30 Там же. С. 219-220

низведены до состояния полного бессилия или жалкой, захудалой знати. Некоторые - наиболее разумные и умеющие приспособливаться - трансформируются и превратятся в лидеров цивилизации Третьей волны». ³²

В экономике Третья Волна привнесла новые требования, которым индустриальный стандартизированный бизнес просто не может соответствовать. Корпорации вынуждены одновременно расширять производство, стремясь к прибыли, и в то же время – все больше – решать очень сложные экологические, моральные, политические, расовые, сексуальные и социальные проблемы.

Бизнес, иначе говоря, становится мгноцелевым институтом, подвергаясь давлению «новой нормальности», в котором Тоффлер выделяет пять ключевых направлений.

- 1) Биосфера
- 2) Социальная сфера (от сверхорганизованного общества к сложно переплетенной, взаимодействующей массе умело организованных, часто хорошо финансируемых ассоциаций, агентств, профсоюзов и других группировок)
- 3) Информационная сфера (демассовизация общества приводит к тому, что существенно возросшее количество социальных институтов вынуждено настраивать собственные информационные и коммуникационные системы для поддержки равновесных взаимосвязей не только между друг другом, но и внутри себя - возникают «информационные менеджеры» и отделы корпоративных коммуникаций)
- 4) Политическая сфера (возросшая гетерогенность общества приводит и к возрастающей гетерогенности государства, что приводит к актуализированному звучанию лоббизма в условиях децентрализации власти)
- 5) Моральное давление (усиленная коммуникационная взаимоинтегрированность общества позволяет предать огласке любые аморальные свершения бизнеса, поэтому вопросы коммуникационного риска во многом диктует повестку дня для бизнеса).

Любопытным образом Тоффлер рассматривает и властные отношения во всех трех волнах. Если в Первой каждый человек знал, в чьей власти он находится (человек мог взглянуть на горизонт – и увидеть монастырь, ратушу, замок, и ему не нужны были ни политологи ни комментаторы для осознания своего места), то волна индустриализма размыла эту монолитность, раскалывая общества на множество ячеек в массе: заводы, школы, профсоюзы, больницы. Возрастание специализации знания, расчленение науки на самостоятельные отрасли, а семьи – на все более мелкие ячейки, все эти явления начального этапа Второй волны представляли собой рассыпанную мозаику. Кто-то должен был собрать ее, придав совокупности новую, релевантную времени, форму:

«Данная потребность вызвала появление множества специалистов нового типа, главной задачей которых была интеграция. Называясь должностными лицами или администраторами, комиссарами, координаторами, президентами, вице-президентами, бюрократами или менеджерами, они возникли в каждой фирме, в каждом правлении и на любой ступени общества. И они оказались необходимыми. Они были интеграторами. Они определяли роли и распределяли работу, решали, кто какое получит вознаграждение, составляли планы, разрабатывали критерии, давали или нет рекомендации. Они устанавливали связи между производством, распределением, транспортом и средствами

32 Там же. – С. 116

коммуникации. Они определяли правила, по которым взаимодействовали организации. Словом, они прилаживали части общества, чтобы те подходили одна к другой. Именно они обеспечивали развитие формации Второй волны». ³³

Усложненное устройство Второй волны в итоге сводило власть к владению не средствами производства, но средствами интеграции. Действительно, здесь было легко запутаться, ведь первыми интеграторами выступали как раз деловые круги: коммерсанты, владельцы телеграфных линий и пр. Однако при усложнении процесса производства, при увеличении канцелярской работы постепенно выделился особый административный слой, управленческая элита, отвечающая за модерацию и интеграцию. Оказалось, что именно она отвечает за функционирование всей системы. Ее власть опиралась не на собственность, а на уровень управления интеграционным процессом. Естественным образом это привело к возникновению интегратора интеграторов – большому правительству. Тоффлер особенно отчетлив в этом моменте, «именно острая нужда в объединении частей в одно целое вызывает неуклонный рост больших правительств в любом обществе Второй волны». Особенно актуальным это являлось для большевистской географически необъятной России, чем, вероятно, и можно отчасти объяснить жесткую форму проводимой в ней интеграции.

Подобные властные полномочия, проистекающие из централизации и интеграции, отбрасываются в Третьей волне, которая подтачивает и пробивает бреши в каждом концепте более отсталой эпохи. По мнению Тоффлера, сегодня (вторая половина XX века для автора) мы являемся свидетелями того, как требования участия в принятии решений, осуществления гражданского контроля и в процессах демократизации приобретает все более низовой характер и возрастают в объеме. Более того, управляющие административные элиты все более зависят от той информации, которые им поставляют низы – и потому, рано или поздно, будут вынуждены уступить часть своих полномочий, и так будет создаваться новая система общественных образований в противовес устаревшему интегрированному неповоротливому мастодонту.

Размывающему эффекту новой эпохи подвергнется и нация, которую Тоффлер считает концептом Второй, устаревающей, волны. Национальная субъектность государства индустриальной эпохи представляла собой интеграцию объединенной политической власти с объединенной экономической системой. Неслучайно национальные восстания в Европе и США *следовали* за промышленным переворотом, иначе говоря, неслучайно политическая составляющая нации при резком рывке экономической составляющей также устремлялась вперед.

В Третьей волне общество раскалывается на тысячи «спорящих групп», каждая из которых борется за очень узкие и специализированные (порой, даже временные) права, принципы и идеи.

С дефрагментацией информационного потока, ранее несущего стандартные и синхронные образы массовой аудитории, человек становится не только постстандартизированным потребителем, но и постстандартизированным творцом, который через различные, лично выбранные наборы символов способен теперь сделать свое видение мира индивидуальным – и при этом находится в своего рода гомеостазе с окружающим его социумом, где единственным его сходством с окружающими будет способность стать «каким угодно».

Общество становится все более ячеистым, не теряя при этом взаимосвязи. Каким же образом осуществляется управление такой ячеистой сеткой?

33 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 118

Тоффлер предлагает понятие «ad-hocracy», власти интеллектуалов, мобилизованных по конкретному поводу:

«... я указывал, что большие организации делались все более и более ячеистыми путем образования временных структур, таких, как "силы задачи", межотдельские комитеты, команды проектов. Я назвал это явление "ad-hocracy" ("адхократия"), поскольку вслед за этим многочисленные большие компании стали объединять эти временные единицы в совершенно новые формальные структуры, названные "матричными организациями". Вместо централизованного контроля матричные организации использовали то, что известно как "многокомандная система"». ³⁴

Тоффлер описывает и изменения в мире институциональной политики, где все прежние основы – от конгрессмена до политической партии - устаревают и готовы к преобразованиям, поскольку Третья волна не может пользоваться инвентарем Второй волны:

«Вместо высоко стратифицированного общества, в котором несколько крупных блоков объединяются, чтобы сформировать большинство, мы имеем конфигуративное общество - общество, где тысячи меньшинств, многие из которых временны, кружатся в водовороте и образуют абсолютно новые преходящие модели, редко объединяющиеся в 51% консенсус по крупным проблемам. Продвижение цивилизации Третьей волны, таким образом, ослабляет саму легитимность многих существующих правительств». ³⁵

Ускорение и насыщение информационной составляющей Третьей волны привело к тому, что «груз решений» разбухает до своих пределов, при которых политическая элита уже просто не успевает и не может адекватно реагировать на вызовы времени. В свое время индустриализм, расширивший торговлю, разделивший труд и совершивший скачок на совершенно иной по сложности уровень организации общества, превнес то же, что нам готовит Третья волна. Индустриализм, накачавший «груз решений» привел к возникновению политических партий нового типа, а расширенная потребность в принятии решений выдвинула в авангард средний класс, заложив «религию подачи голосов». Приход Второй волны, принесший расширенную торговлю, большее разделение труда и скачок на совершенно новый уровень сложности в обществе, породил в свое время тот же взрыв решений, какой сегодня порождает Третья волна. Индустриальная эпоха породила тип руководителя-менеджера, человека, занимающегося всем – от контроля над СМИ до вопросов нефтедобычи – через сложноорганизованную иерархичную цепочку департаментов, ведомств, министерств. Это требовало грамотности и абстрактности мышления. Возникающая цивилизация Третьей волны требует абсолютно нового типа руководства. Рассматривая усложненное и более гетерогенное устройства мира Тоффлер отмечает:

«Необходимые качества лидеров Третьей волны еще не вполне ясны. Вероятно, сила заключается не в самоуверенности лидера, а именно в его или ее способности слушать других; не в бульдозерной мощности, а в воображении; не в мегаломании, а в осознании ограниченной природы лидерства в новом мире. Лидерам завтрашнего дня, вполне возможно, придется иметь дело с гораздо более децентрализованным и вовлеченным в их дела обществом, обществом даже более разнообразным, чем сегодняшнее. Они уже никогда не будут всем для всех. На самом деле маловероятно, что один человек когда-либо

34 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 408

35 Там же. – С.643

воплотит в себе все требуемые черты. Руководство вполне может оказаться в большей степени временным, коллегиальным и основывающимся на консенсусе». ³⁶

Сочетание ускорения (необходимость принимать решения в течение минут, если не секунд) и разнообразия (когда «монолитное сознание» общества и сам электорат разваливаются на куски), а также распад консенсуса вызовут к жизни совершенно иной тип политики. Отсутствие – на уровне концепта, дискурса – большинства поставит перед рядом вопросов ервоатлантическую демократическую процедуру:

«Это вынуждает нас задаваться вопросом, может ли какое-либо избирательное объединение быть "представленным" при конвергенции скорости и разнообразия. В массовом индустриальном обществе, когда люди и их нужды были достаточно однородными и имели под собой твердую основу, консенсус являлся достижимой целью. В демассифицированном обществе нам не хватает не только национальной цели, нам не хватает также цели для региона, штата или города. Разнообразие в каждом избирательном округе конгресса или парламента во Франции, Японии или Швеции настолько велико, что его "представитель" не может законно претендовать на то, что говорит от имени консенсуса. Он не может выражать общую волю по той простой причине, что ее не существует. Что происходит в таком случае с самим понятием о "представительной демократии"?». ³⁷

Иными словами, все послышки, заложенные еще проектом Нового Времени, и на которых строились государств Второй волны устарели и более не соответствуют реальности, и сама система принятия решений превратилась в угрозу.

Происходят изменения и в глобальном политическом пространстве. В интернациональный лексикон входят новые концепты вроде «информационного суверенитета»: государства, входящие в Третью волну обладают развитой нервной информационной сетью, и потому попытки перекрыть поток данных извне или навязать свой поток данных становятся основным оружием геополитики, наслаиваясь на тенденцию, завершающую Вторую Волну, где закулисная дипломатия и точечное применение силы перевешивали – в силу появления и наращивания ядерного потенциала – полномасштабные военные конфликты.

Новые вызовы, обращает внимание Тоффлер, все больше подрывают власть и могущество государств-наций, и основные властные полномочия как в глобальной экономической, так и в глобальной политической жизни переходят к межправительственным организациям (МПО):

«Через МПО государства-нации пытаются решать проблемы, по уровню превосходящие национальные, в то же время сохраняя максимальный контроль на национальном уровне. <...> Государство-нация все больше и больше теряет независимость и суверенитет. Итак, мы создаем новую многоуровневую мировую игру, участники которой - не только нации, но и корпорации, профсоюзы, политические, этнические и культурные группировки, транснациональные ассоциации и наднациональные организации. По мере того как формируется новая мировая система, государство-нация, существованию которого уже угрожает давление снизу, все больше и больше теряет власть». ³⁸

Здесь Тоффлер подходит к идее прогресса, окончательно постулированной именно во Второй волне, которая ознаменовалась победой линейного времени над циклическим.

36 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 619

37 Там же. – С. 629

38 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 505

«На протяжении всего средневекового периода, - писал математик Г. Д. Уитроу, - циклическая и линейная концепции времени находились в столкновении. Линейное понятие подпитывали владельцы частных торговых предприятий и рост денежной экономики. До тех пор пока власть была сконцентрирована в земельных владениях, время ощущалось в изобилии и было связано с неизменным циклом земледелия».³⁹

Победа над «неизменным циклом» одинакова присуща как Западу, так и Востоку, так и России, которые в историческом смысле практически одновременно вошли в эпоху Второй волны. Распорядок дня, мироощущение, расписание экономического устройства цивилизации – все это покоилось на стандартизации, синхронизации и линейности. Действующее и бытийствующее в одном потоке общество, разумеется, становилось гомогенным. Увеличив количество каналов коммуникации и информации, Вторая волна создала огромную информационную машину, энергия которой текла через газеты, церкви, государства, дома и школы. Смешиваясь в унисон, дополняя друг друга, эти каналы стандартизировали визуальные образы, через которые происходила социализация людей того времени. Поднятая ветром юбочка Мэрилин Монро, сложенные горой трупы в Бухенвальде, Черчилль с трубкой – все это стандартные составляющие общей библиотеки образов людей индустриальной эпохи.

Возросшая мощь Третьей волны вынуждает людей постоянно пересматривать эту библиотеку, дополнять ее и заменять, иначе индивидуум просто перестает соответствовать новой реальности, выпадает из нее, становится некомпетентным. Однако Третья волна не просто ускоряет потоки информации, мы также имеем дело и с внутренней, глубинной трансформацией информационной сферы и людей, которые являются ее аудиторией:

«Демассифицированные средства информации демассифицируют и наше сознание. Во время Второй волны постоянная накачка стандартизированного образного ряда привела к тому, что критики называют "массовым сознанием". Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами. Поскольку все общество движется в сторону разнообразия, привнесенного Третьей волной, новые средства информации отражают и ускоряют этот процесс.<...> Консенсус пошатнулся. На личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишеными смысла "клипами", мгновенными кадрами. По сути дела, мы живем в "клип-культуре". <...> Вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом "полос" идей, собранных и систематизированных, нас все больше пичкают короткими модульными всплывками информации - рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки. Новый образный ряд не поддается классификации, отчасти из-за того, что выпадает из наших старых концептуальных категорий, но еще и потому, что подается в странной, скоротечной, бессвязной форме. Резко критикуя то, что они называют бедламом клип-культуры, люди Второй волны испытывают подавленное раздражение против средств информации. Люди Третьей волны, напротив, чувствуют себя неплохо под бомбардировкой блицев: полутораминутный клип с новостями, полуминутный рекламный ролик, фрагмент песни или стихотворения, заголовок, мультик, коллаж, кусочек новостей, компьютерная графика. Будучи ненасытными читателями дешевых книг и специальных журналов, они залпом глотают огромное количество информации. Но они также внимательно следят за тем, как в новых концепциях или метафорах собираются и организуются в некое целое эти кусочки информации. Вместо попытки втиснуть новые модульные данные в стандартные

39 Там же. – С. 180

структуры или категории Второй волны, они учатся создавать свои собственные "полосы" идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации». ⁴⁰

Конструирование информационной картины мира, таким образом, все больше ложится на плечи самого человека: вместо готового блюда он получает набор ингредиентов в мире, где понятие о деликатесе меняется каждый день.

Бешеный ритм и информационная перенасыщенность новой реальности ставит знаменательный вопрос: сможет ли человек в таких условиях сосредоточиться на себе, своем внутреннем пространстве, услышать голос настоящего себя? Сможет ли он медитировать или заниматься йогой?

Тоффлер убежден, что «создавая ныне для цивилизации Третьей волны новую инфосферу, мы наделяем окружающую нас "безжизненную" среду не жизнью, а интеллектом». ⁴¹ В мире постстандартизированных творцов самым ценным, властным и неистощимым сырьем станет информация, которую Тоффлер понимаешь широко, включая в нее воображение:

«Информация приобретет большую ценность, чем когда-либо, и новая цивилизация перестроит систему образования и научных исследований, а кроме того, реорганизует средства массовой информации. Современные средства массовой информации, как печатные, так и электронные, совершенно не способны нести на себе всю информационную нагрузку и к тому же не обеспечивают жизненно важного культурного разнообразия. Вместо культурного доминирования нескольких средств массовой информации в цивилизации Третьей волны начнут преобладать интерактивные, демассифицированные средства, обеспечивающие максимальное разнообразие и даже персональные информационные запросы. <...> Однако маловероятно, что какой-либо общественный институт - даже дом - начнет играть центральную роль в жизни общества - роль, какую в прошлом играли церковь или предприятие. Потому что это общество скорее будет построено по типу сети, а не по типу иерархии институтов». ⁴²

На условиях максимально упрощенного доступа к общению и коммуникации, эта сеть будет пестреть «ячейками» по интересам. Все более индивидуализируясь, подчеркивая различия, человек парадоксальным образом испытает со временем и боль изоляции. Или не сможет выстроить устойчивые социальные отношения с миром: вне стандартизированной библиотеки образов, из которой люди, посредством кинофильмов, новостей, радиопередач черпали основания для своих социально приемлемых ролевых моделей, человек может просто не справиться в фантастической задаче повсеместного конструирования новых идентичностей. В этом проявляется могущественное влияние медиа: революция в средствах массовой информации приведет к революции в психике.

Пожалуй, одним из самых влиятельных теоретиков «новой нормальности» стал **Мануэль Кастельс**, который сформулировал целостную теорию, эпическое повествование, позволяющее нам рассмотреть фундаментальные последствия революции в информационных технологиях, которая оказала влияние на все сферы человеческой деятельности.

40 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 270-271

41 Там же. – С. 274

42 Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009. – С. 543

Кастельс отличается более широким взглядом на интересующую нас проблему: к примеру, сам генезис информационной революции он рассматривает не через технологический или экономический детерменизм, а напрямую увязывает его с освободительным духом контркультурных движений Америки 60-х годов (подробнее см. «From Counterculture to Cyberculture», Fred Turner). По Кастельсу, новый мир начал приобретать очертание именно на рубеже 60-ых и 70-ых годов, где исторически наслоились друг на друга три независимых процесса: революция информационных технологий; кризис капитализма и этатизма, расцвет культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды.

Интересным образом Кастельс подходит и к проблеме тезауруса: так, описываемое общество он называет не информационным, но информациональным. Разница заключается в том, что под первым подразумевается количественная характеристика знания (скорость, объем). По мнению Кастельса, первое говорит лишь о роли информации как «переданных знаний» в обществе, но в таком понимании информация «имела критическую важность во всех обществах». В противоположность этому второе относится к атрибуту «специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти». Определяющим для информационального общества становится «воздействие знания на само знание как главный источник производительности».

По сути, уже здесь Кастельс начинает полемику со своими коллегами. Он подчеркивает, что теория постмодерна отбрасывает способность человека находить смысл даже в абсурде. Говоря о своих предшественниках на примере своего учителя Алена Турена и Дэниэла Белла, Кастельс следующим образом описывает свою теорию:

«Мы можем сказать, что хотя технология *perse* не детерминирует историческую эволюцию и социальные изменения, технология (или ее отсутствие) воплощает способность обществ трансформировать себя и определяет направления, на которых общество (всегда через конфликтный процесс) решает применить свой технологический потенциал. В теориях постиндустриализма и информационализма, начиная с классических работ Алена Турена и Дэниэла Белла, существует прочно установившаяся традиция помещать различия между доиндустриальной эпохой, индустриализмом и информационализмом (или постиндустриализмом) на другой оси - не на той, где противопоставляются капитализм и этатизм (или коллективизм, в терминологии Белла). Хотя общества можно охарактеризовать по двум осям (так, что мы имеем индустриальный этатизм, индустриальный капитализм и т.д.), для понимания социальной динамики существенно сохранять аналитическую дистанцию и эмпирическое соотношение между способами производства (капитализм, этатизм) и способами развития (индустриализм, информационализм)».⁴³

Различия в способах развития определяются тем, какой элемент повышает производительность цивилизации: при аграрном способе развития этим элементом было количественное увеличение природных ресурсов и вкладываемого в них труда, при индустриальном – новые источники энергии и их использование в процессах производства и распределения продуктов производства, в информациональном – как уже говорилось, в генерировании знаний и символической коммуникации. Способы производства и способы развития, таким образом, организованы в парадигмах, которые организуют и модифицируют все социальные отношения и социальные институты, власть и

43 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php (дата обращения: 04.12.2014)

человеческий опыт. При этом, в силу специфики информационного способа развития, новое общество будет отличаться особой связью технологии и культуры, духа и материи.

Однако информационализм – это только один из двух столпов новой эпохи, которая также определяется еще и своей глобальностью. Основные виды человеческой деятельности, сырье, любые социальные контакты – теперь все это организуется в глобальной масштабе. Свое уникальное звучание «новая реальность» получает именно в соединении информационного и глобального, «потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети». ⁴⁴

Продолжая описывать новую парадигму развития человечества Кастельс выделяет пять ее основных принципов:

- 1) *Информация является основным сырьем.* В новой реальности мы видим перед собой, в первую очередь «технологии для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций»
- 2) *Новые технологии всеохватны.* Все процессы в новой парадигме протекают через информационализм или подвержены его влиянию
- 3) *Любая система обладает сетевой логикой,* основанной на совокупности отношений авторов-одиночек, протекающих через информационные технологии: «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий. Эта топологическая конфигурация - сеть - может быть теперь благодаря новым информационным технологиям материально обеспечена во всех видах процессов и организаций»
- 4) *Информационализм основан на фундаментальной гибкости.* Процессы, организации и институты рассматриваются как высыпаемые на пол кусочки пазла, которые можно в любой момент пересобирать, перегруппировывая компоненты. Любопытно, что Кастельс здесь подчеркивает невозможность моральной оценки: гибкость может не только освободить, но и подчинить человека, «если те, кто переписывает правила, всегда у власти»
- 5) *Растущая конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе.*

Подобные изменения сделали возможным становление устройств для обработки информации и сам процесс такой обработки главным продуктом экономики нового общества. Эта экономика благодаря технологическому совершенству является единой системой, которая работает в режиме реального времени в планетарном масштабе. Современная экономика выступает интегрированной системой благодаря нескольким группам институтов, среди которых Кастельс выделяет деловые сети, технологические инструменты, глобальную конкуренцию и сетевые предприятия.

Кастельс, однако, отмечает, что мы пока имеем дело только с обновленным информационным капитализмом, иначе говоря, базовые основания современной экономики модернизированы, но еще не перешли на новый качественный уровень развития. Однако дальнейшая эволюция будет развиваться именно по такому

44 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php (дата обращения: 04.12.2014)

направлению: впервые в истории «базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Как я пытался показать, единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрерывно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам».

Пока же мы имеем дело с переходным периодом, требующим бережного изучения. Ссылаясь на «эмпирические наблюдения над эволюцией занятости в странах "большой семерки"», Кастельс выявляет несколько существенных черт переходного периода: вытеснение сельскохозяйственной занятости; постоянное сокращение традиционной промышленной занятости; развитие услуг производителям и социальных услуг, с акцентом на деловые услуги в первой категории и услуги здравоохранения во второй группе; растущая диверсификация сферы услуг как источника рабочих мест; быстрый рост управленческих, профессиональных и технических рабочих мест; формирование пролетариата "белых воротничков", составленного из конторских служащих и работников торговли; относительная стабильность существенной доли занятости в розничной торговле; одновременный рост на верхнем и нижнем уровнях профессиональной структуры; относительная модернизация профессиональной структуры во времени, с более высоким ростом доли занятий, которые требуют высшей квалификации и высокого уровня образования, по сравнению с ростом категорий низшего уровня.

На основе этих черт ученый выделяет две различные информационные экономические модели:

- 1) Модель экономики услуг по типу США, Великобритании или Канады, которая характеризуется с 1970-ых годов стремительным сворачиванием занятости в промышленном и сельскохозяйственном секторах, высокой дифференциацией видов деятельности, доминированием услуг по управлению капиталом над услугами производителя, расширением управленческой занятости.
- 2) Модель индустриального производства по типу Японии и Германии, которая характеризуется искусственным поддержанием занятости в промышленном секторе на относительно высоком уровне, технологическим совершенствованием этого сектора, чтобы дальнейшее сокращение занятости не повредило экономике, доминирование услуг производителя над сервисными услугами.

В целом, обе модели подвержены воздействию «новой реальности», где возрастающая роль трудосберегающих технологий остро поставит вопросы занятости, професисонализма и компетентности. Традиционная организация рабочего процесса с его циклами, соотношением спроса и предложения постепенно размываются новым устройством мира, и это сказывается, в том числе, и на том, как люди видят свой карьерный рост, свой жизненный цикл.

В экономическом плане человек сталкиваются с целым рядом проблем, которым он пока не в силах найти решение: структурная безработица, снижение зарплаты, нестабильность трудоустройства, набирающая темпы сегментация рабочей силы и пр.

В новых реалиях любое научное открытие, новаторское бизнес-решение, политический конфликт, возникновение новой философии сразу приобретает планетарный масштаб, охватывает все смысловое пространство мира. Означает ли это, что мир становится гомогенным?

Одним из ключевых аспектов своей работы «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» Кастельс называет именно положение, что в мире есть значительные темные пятна, области, не включенные в современную информационно-глобальную схему, будь то следствия волевого дистанцирования региональных политиков или технологической отсталости.

Остальная же часть мира постепенно переходит в новую формацию. Которую Кастельс называет «сетевым обществом». В мире, насыщенном потоками энергии образов, власти и денег, в мире, который уже средудировал устаревшие способы социализации, поиск идентичности становится фундаментальным социальным вопросом. В мире хаотичным и с трудом поддающихся контролю изменений человек склонен обращаться к первичным и базовым источникам идентичности: территория, нация, этнос, религия. При том, что это не новая тенденция, устройство «новой реальности», делегитимирующее и деконструирующее индустриальные способы идентичности приводит к тому, что индивидуальная идентичность «становится главным, а иногда и единственным источником смыслов». ⁴⁵ По Кастельсу, современное общество структурируется на основе биполярной оппозиции «Сеть – Я».

Поскольку опосредованная компьютерами коммуникации привела к появлению множества виртуальных сообществ, выстроенных вокруг первичных идентичностей, первые шаги в «новую реальность» проходят под преобладающим влиянием идентичности как организующего принципа. Сама идентичность при этом понимается как конструирование собственной картины мира через доступные смыслы и символы.

Но что же тогда этически и культурно связывает людей в сообщества, а сообщества – в сеть? Что есть «дух информационализма» и нуждается ли «новая реальность» в нем? Общий культурный код сети, по Кастельсу, «составлен из многих культур, многих ценностей, многих проектов, которые приходят на ум и дают сведения для выработки стратегий различных участников сетей, меняясь тем же темпом, что и участники сети, и следуя той же организационной и культурной трансформации единиц сети. Это действительно культура, но культура эфемерного, культура каждого стратегического решения, скорее лоскутное одеяло, сшитое из опыта и интересов, чем хартия прав и обязанностей. Это многоликая виртуальная культура, как в визуальных переживаниях, созданных компьютерами в киберпространстве путем переустройства реальности. Но это и не фантазия, это действенная сила, поскольку она дает информацию для властных экономических решений в каждый момент жизни сети и осуществляет их. Но живет она недолго, она поступает в компьютерную память как сырой материал, состоящий из успехов и неудач прошлого. <...> Любая попытка кристаллизации позиций в сети, как культурного кода в конкретном времени и пространстве, приговаривает сеть к устареванию, поскольку она становится слишком жесткой для изменчивой геометрии, которой требует информационализм. «Дух информационализма» есть культура «созидательного разрушения», ускоренная до скорости оптических электронных цепей, через которые проходят ее сигналы. В киберпространстве сетевого предприятия Шумпетер встречается с Вебером». ⁴⁶

Более того, ученый постулирует бинарную логику включения в информационное глобальное общество:

45 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php (дата обращения: 04.12.2014)

46 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/03.php (дата обращения: 04.12.2014)

«Что характеризует новую систему коммуникаций, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, - это ее включение и охват ею всех проявлений культуры. Благодаря ее существованию, все виды сообщений в обществе нового типа работают в бинарном режиме: присутствие или отсутствие в коммуникационной мультимедиасистеме. Только присутствие в этой интегрированной системе позволяет передать и социализовать сообщение. Все прочие сообщения сведены к индивидуальному воображению или ко все более маргинализирующимся субкультурам, где господствуют личные контакты. С точки зрения общества, коммуникация на электронной основе (типографская, аудиовизуальная или компьютерная) и есть коммуникация». ⁴⁷

Кастельс уравнивает в историческом значении изобретения алфавита и аккумуляции различных способов коммуникации в интегративные информационные сети, которая происходит в информационном обществе:

«...формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяя в одной и той же системе письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации. Различные измерения человеческого духа объединяются в новом взаимодействии между обоими полушариями мозга, машинами и социальными контекстами. При всей научно-фантастической идеологии и коммерческой рекламе, окружающих возникновение так называемого информационного суперхай-вея, нам вряд ли стоит недооценивать его значение. А коммуникация определяет формирование культуры, поскольку, как пишет Постмен, "мы видим... реальность не такой, как она есть, но такой, как наши языки позволяют нам ее видеть. А наши языки - это наши средства массовой информации. Наши СМИ - это наши метафоры. Наши «метафоры создают содержание нашей культуры"». ⁴⁸

Терминологией информационного общества Кастельс закрепляет ключевые тезисы структуралистов и философов постмодерна. Ученый ссылается и на «великого провидца» Маршала Маклюэна, революционизировавшего через гиперболы мышление в сфере коммуникаций. В этом заключается удивительное и волшебное синтетическое значение Кастельса, которому удалось в гегелевском смысле снять частные противоречия своих предшественников и коллег, объединив их позитивный вклад в историю человеческой мысли. Когда-то точно таким же образом обосновал свое титаническое могущество Декарт. Из этого синтеза вытекает следующее понимание взаимосвязи человека и СМИ:

«Таким образом, являясь символической тканью нашей жизни, СМИ воздействуют на сознание и поведение так же, как реальный опыт воздействует на сны, поставляя сырой материал, над которым работает наш мозг. Похоже, что мир визуальных грез (информация/развлечения, предоставляемые телевидением) возвращает нашему сознанию власть выбирать, рекомбинировать изображения и звуки, которые мы создали через нашу коллективную практику или индивидуальные предпочтения. Это система обратной связи между кривыми зеркалами: СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ. В этом фундаментальном смысле система средств массовой информации воплотила большинство черт, о которых писал Маклюэн в начале 1960-х годов, - она стала "галактикой Маклюэна". Однако тот факт, что аудитория - не пассивный объект, но интерактивный субъект, открыл пути к дифференциации аудитории и с того момента как технология, корпорации и институты позволили такие шаги, - к последующей трансформации СМИ в сторону сегментации, "работы на заказ", индивидуализации». ⁴⁹

47 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

48 Там же.

Для углубления своего анализа социальной сферы «новой нормальности» Кастельс вводит свой, пожалуй, самый интересный концепт – концепт *виртуальной реальности*. Ссылаясь на Барта и Бодрийяра, которые учили тому, что все формы коммуникации проистекают из производства и потребления знаков, ученый постулирует равенство реального и виртуального отображения символов. И если виртуальная реальность существовала, таким образом, на всех этапах человеческого существования (когда человек действовал и проявлял себя через сферу симфического), но информационное общество производит революцию в том, что постулирует реальную виртуальность, где реальность – фактически существующее, а виртуальность –практически существующее:

«Что же представляет собой тогда коммуникационная система, которая в противоположность историческому опыту прошлого создает *реальную виртуальность*? Это - система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что поглощает в одном и том же мультимедийном тексте целостность человеческого опыта, как в той уникальной точке вселенной, что Хорхе Луис Борхес назвал "Алеф"». ⁵⁰

Другим ключевым и революционным изменением информатизма ученый считает объемы трансформации пространства и времени: «местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении. Материальный фундамент новой культуры есть *пространство потоков и вневременное время*. Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания». ⁵¹

Проясняя свою мысль, ученый ссылается на формулировку Дэвида Харви:

«С материалистической точки зрения мы можем утверждать, что объективные концепции времени и пространства необходимо создаются через материальную практику и процессы, которые служат для воспроизведения социальной жизни... Фундаментальная аксиома моего исследования состоит в том, что время и пространство нельзя понять независимо от социального действия». ⁵²

Кастельс поясняет, что социальная практика разделения времени сводится воедино тем пространством, в котором такая практика осуществляется. Материальное проявление такого пространства на протяжении долгих веков истории человечества отождествлялось с

49 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

50 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

51 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

52 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (дата обращения: 04.12.2014)

близостью. Информационные технологии сделали это понимание устаревшим. Как исторические исследования после Куна уже не могли разворачиваться хронологически, не рискуя оказаться морально устаревшими в сравнении с парадигмальным подходом, так и общество «новой нормальности» теперь выстраивается на основе взаимодействия потоков – капитала, информации, коммуникации, мерцающих сообществ, технологий, звуков или символов – и вокруг них. При этом потоки не являются элементами социальных практик, они представляют собой выражение таких практик. Иными словами, мы имеем дело уже не с фугой Баха, а с джазовым оркестром, ансамблем одновременных элементов.

Основываясь на такой логике, Кастельс выдвигает гипотезу, что пространство потоков может проявляться в двух ключевых формах:

- 1) «С одной стороны, элиты формируют свое собственное общество и составляют символически замкнутые общины, окопавшиеся за мощным барьером цен на недвижимость. Они определяют свое сообщество как пространственно ограниченную межличностную сетевую субкультуру. Я предлагаю гипотезу, согласно которой пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети. <...> С вершин власти и их культурных центров начинается ряд символических социопро пространственных иерархий, где элита более низкого управленческого уровня может воспроизводить символы власти и присваивать их, создавая социопро пространственные сообщества второго порядка, которые также будут стремиться изолировать себя от общества путем последовательной иерархической сегрегации. Все это, вместе взятое, равносильно социопро пространственной фрагментации».⁵³
- 2) В то же время подавляющая часть человечество все еще живет в пространстве конкретных мест, поскольку пространство потоков не пронизывает все сферы человеческого опыта в мире. Однако «вторая основная отличительная культурная черта элит в информационном обществе - это тенденция к созданию стиля жизни и дизайна пространственных форм, нацеленных на унификацию символического окружения элиты по всему миру». И поскольку «доминирующие функции и власть в наших обществах организованы в пространстве потоков, структурное господство этой логики очень существенно меняет значение и динамику мест. Опыт, будучи связан с местами, отделяется от власти, значение все больше отделяется от знания. Отсюда следует шизофреническое структурное раздвоение между двумя пространственными логиками, которое угрожает разрушить коммуникационные каналы в обществе. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого внеисторического пространства потоков, стремящегося навязать свою логику рассеянным сегментированным местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами. Если мы намеренно не построим культурные и физические мосты между двумя формами пространства, мы можем прийти до жизни в параллельных вселенных, в которых время не может совпадать, ибо они деформированы разными измерениями социального гиперпространства».⁵⁴

53 Там же.

54 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (дата обращения: 04.12.2014)

Неразрывно связана с пространством потоков и та онтологическая трансформация времени, которую несет с собой информационное общество. Чтобы лучше проиллюстрировать свои тезисы, Кастельс обращается к опыту реформ Петра I и Советского Союза. Россия, будучи вневременным обществом благодаря особому характеру православной отрасли христианства, пережившего значительное влияние неоплатоников и необъятным пространствам, периодически сотрясались от модернизационных (чаще всего, сверху) усилий по насильственному реформированию общества. Как Петр I, так и большевики предпринимали попытки привязать русскую жизнь ко времени: Юлианский календарь в одном случае, тейлоризм и «научная организация труда» во втором. Сжатие времени большевиками, при этом, носило идеологический характер (ускоренные пятилетки, стахановство, даже «непрерывки»).

В каком-то смысле изложение Кастельса перекликается со взглядами Освальда Шпенглера:

«В качестве одного из таких едва ли вообще осмысленных символов были уже упомянуты часы, творение высокоразвитых культур, представляющее тем более таинственным, чем больше о нем размышляешь. <...> античное существование, евклидовское, безотносительное, точечное, полностью замыкалось в текущем моменте. <...> В античных городах ничто не напоминает о долговечности, о глубокой древности, о предстоящем -- никаких благоговейно опекаемых руин, ни одного предприятия, рассчитанного на не рожденные еще поколения, никакого специально и осмысленно отобранного, вопреки техническим трудностям, материала. <...> Индусы, чья Нирвана так же выражена отсутствием какого-либо летосчисления, равным образом не имели часов, а значит, и истории, жизненных воспоминаний, заботы. То, что мы, в высшей степени исторически предрасположенные люди, называем индийской историей, осуществлялось без малейшего осознания собственного процесса. Тысячелетие индийской культуры, от Вед до Будды, производит на нас впечатление движения спящего. Жизнь здесь и в самом деле была сновидением. Ничто не отдалено так от этой индийской стихии, как тысячелетие западной культуры. Никогда еще, даже в "одновременном" Китае эпохи Чжоу с его высокоразвитым чувством веков и эпох, не было такой степени бодрствования и сознательности; никогда еще время не ощущалось столь глубоко и не переживалось с таким полным сознанием его направленности и роковой взволнованности. История Западной Европы есть поволенная судьба, индийская история -- это судьба, выпавшая на долю». ⁵⁵

Историческая предрасположенность западной цивилизации, выработанная на заре модерна доведенная до предела в начале XX века, утвердила темпоральную стрелу прогрессивного времени, которая дробится на куски в информационном обществе. Однако мы не просто становимся свидетелями ревизии времени в увязке с возникновением альтернативных по значению социальных практик или временной обратимости, мы имеем дело с более масштабной трансформацией. Кастельс убежден, что мы становимся свидетелями того, как смешение времен в пространстве потоков служит созданию вечной вселенной, «не саморасширяющейся, но самоподдерживаемой, не циклической, но случайной, не рекурсивной, но инкурсивной (incursive): вневременное время, использующее технологию для того, чтобы избавиться от контекстов своего существования и избирательно присваивать любую ценность, которую мог бы предложить каждый контекст вечно-настоящему», ⁵⁶ вселенной, которая существует в одновременном и вневременном режиме.

55 О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993. — С.290-292

56 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

Такая доминирующая темпоральность «новой нормальности» козникает в тот момент, когда «характеристики данного контекста, а именно информационная парадигма и сетевое общество, порождают систематическую пертурбацию в порядке следования явлений, происходящих в этом контексте. Эта пертурбация может принимать форму сжатия временных промежутков между событиями, нацеленного на мгновенность, или же случайных разрывов в последовательности событий. Устранение очередности создает недифференцированное время, которое равнозначно вечности.<...> Вневременное время принадлежит пространству потоков, тогда как временная дисциплина, биологическое время и социально детерминированный порядок следования характеризуют местности всего мира, материально структурируя и деструктурируя наши сегментированные общества. Пространство придает форму времени в нашем обществе, обращая вспять историческую тенденцию: потоки порождают вневременное время, места ограничены временем. Идея прогресса, являющаяся базисом нашей культуры и общества в течение двух последних столетий, основана на движении истории, фактически на predetermined последовательности истории, идущей под руководством разума и под воздействием производительных сил, избегающих сдержек пространственно ограниченных обществ и культур. Власть над временем, контроль над ритмичностью колонизировали территории и преобразовали пространство в процессе широкомасштабной индустриализации и урбанизации, произведенных двумя процессами-близнецами: формированием капитализма и этатизма. Становление структурировало существование, время приспособило пространство».⁵⁷

Ученый оговаривается, по всей видимости, понимая семантический масштаб своей гипотезы, что речь идет не о планетарной доминанте(поскольку, как уже говорилось, большая часть человечества живет в пространстве конкретных мест), но доминантной форме социального времени в сетевом обществе, где «социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок».⁵⁸

Таким образом, «новая нормальность» затронула и сферу политики. Кастельс подчеркивает, что новые информационные технологии могут быть использованы как во имя пропаганды, так и для разворачивания демократии на местах. При этом, интеграция всех культурных выражений в общую сетевую коммуникационную систему электронного производства, распределения и обмена сигналами размывает символическую власть традиционных авторов сообщений (национальное государство, церковь, старшие члены семей), которые, чаще всего, бинарно выключены из системы и находятся во внешнем к ней положении. Соответственно внешни и их сообщения, будь то религия или политическая идеология:

«Они не то чтобы исчезают, но слабеют, если не кодируют себя вновь в новой системе, где их власть умножается электронной материализацией духовно передаваемых привычек: электронные проповеди и интерактивные фундаменталистские сети есть более эффективная, более "въядливая" форма индоктринации в наших обществах, чем воздействие отдаленного харизматического авторитета при личных контактах».⁵⁹

Наряду с этим, расширяются доступ и пространство маневра для социальных акторов нижнего уровня, не принадлежащего к элитам. Так рождается новая сетевая геометрия

57 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

58 Там же.

59 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014)

власти, где властные отношения «всегда специфичны для данной конфигурации акторов и институтов», что довольно близко по генезису к адхократии Тоффлера.

Различные постмодернизированные формы индоктринации происходят и на уровне геополитических конфликтов. Как и Тоффлер, Кастельс считает, что технологическое совершенствование вооружения парадоксальным образом привело к снижению значения крупномасштабного насилия в международной политике.

Ссылаясь на разработанную Бодрийяром тему стерильного опосредованного восприятия войны через СМИ, Кастельс добавляет, что ресурсы, возникшие благодаря информационным технологиям позволяют наносить разрушительные удары по противнику в поразительно короткие промежутки времени: «при условии взаимного неприменения ядерного оружия основными военными державами их потенциальные войны и войны между их странами-сателлитами, скорее всего, будут зависеть от быстрых обменов ударами, определяющих истинное состояние технологического дисбаланса между воюющими сторонами. Массированное уничтожение или быстрая демонстрация возможности осуществить его за минимальное время, по-видимому, являются общепринятой стратегией ведения войн современного типа в информационную эпоху». ⁶⁰

Кастельс близок Тоффлеру не только тем, что он рассматривает условные Советский Союз и США как процессы-близнецы, он также довольно проницательно подмечает суть переходных периодов между «нормальностями», утверждая, что коллапс советского этатизма был предопределен его неспособностью к переходу на рельсы информационного общества, обусловившей технологическое отставание в наиболее критичный для этого момент фундаментального сдвига глобальной экономической парадигмы; в конце концов, «само понятие "персональный компьютер" объективно подрывало советскую бюрократию, в том числе и научную». ⁶¹

Несложно заметить, что хаотичное медийное пространство образов-симулякров естественным образом сочетается с таким же хаотичным миром властных отношений, в котором «модифицированные по заказу представительства, и персонализированное лидерство заменяют классовые объединения, идеологическую мобилизацию и партийный контроль, которые были характерными для политики индустриальной эры», публичная сцена Ги Дебора заменяет публичное пространство хабермасовского толка, а властные отношения все больше трансформируются в отношения влияния, которые возникают, по большей степени, посредством манипулирования символов в медийном пространстве смыслов. Эти отношения, посредством вписания в культурные коды «новой нормальности» и включенные в ее бинарную логику, становятся нематериальными и реальными: «...где и когда бы она ни консолидировалась, эта власть наделяет на время индивидов и организации способностью осуществлять свои решения независимо от консенсуса. Но она нематериальна вследствие того, что такая возможность возникает из способности организовывать жизненный опыт посредством категорий, которые соотносятся с определенным поведением и, следовательно, могут быть представлены как одобряющие определенное лидерство». ⁶²

60 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/07.php (дата обращения: 04.12.2014)

61 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/08.php (дата обращения: 04.12.2014)

62 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

Схватка за власть в «новой нормальности» сводится к культурным сражениям, проводимым через средства массовой коммуникации, и, следовательно, распределение властных ролей, проходящее в сетях информационного обмена и манипуляции символами, подвержено известной ротации. Таким образом, «культура как источник власти и власть как источник капитала лежат в основе новой социальной иерархии информационной эпохи». ⁶³

При этом, на фоне возрастающей дефрагментации и гетерогенности сетевого общества, где элиты представляют собой символически замкнутые общины, а опыт подавляющей части человечества ограничен сегрегированными локальностями, все больше будет ощущаться запрос на идентичность новых проектов, основанных на ценностях виртуальных общин, члены которых пройдут социализацию уже в «новой нормальности». Пока что это проявляется только в идентичности сопротивления (будь то феминизм или антиглобализм), потому что для идентичности проекта, по Кастельсу, нужна новая культурная политика, медиумы которой еще не появились:

«Это будет культурная политика, начинающаяся с той предпосылки, что информационная политика проводится главным образом в пространстве средств коммуникаций и воюет символами, но при этом связана с ценностями и проблемами, возникающими из жизненного опыта людей в информационную эпоху. Информационно-технологическая революция выявит свой преобразовательный потенциал. XXI столетие будет отмечено завершением глобальных информационных супермагистралей, мобильной телекоммуникацией и вычислительной мощью, децентрализующими власть информации, осуществляя надежды, возлагавшиеся на мультимедиа, увеличивая удовольствие от интерактивных коммуникаций. К тому же это будет век полного расцвета генетической революции. Впервые человек проникнет в секреты жизни и будет способен производить значительные манипуляции с живой материей. <...> Для предотвращения негативных последствий биологической революции нам нужны не только ответственные правительства, но и ответственное образованное общество. Путь, которым мы пойдем, зависит от социальных институтов, от человеческих ценностей, от сознательности новых социальных акторов и их решимости формировать и контролировать свою собственную судьбу». ⁶⁴

Теоретическое осмысление «новой нормальности» продолжил британский социолог **Франк Уэбстер** в своей работе «Теории информационного общества», которая подходит для завершения нашего раздела, поскольку представляет собой детальный анализ теорий, осуществляющих артикуляцию нового мироустройства. Она поможет нам отметить некоторые дополнительные признаки надвигающейся эпохи, которые мы могли пропустить ранее.

Ученый приводит любопытную классификацию теорий, связанных с этой эпохой

К первой группе исследователей Уэбстер относит авторов, которые считали, что «новая нормальность» является качественно новым строем, выходящим из недр старого мироустройства: это и постиндустриализм (в первую очередь, Белл), и постмодернизм (Бодрийяр и Постер), и гибкая специализация (М. Пиор, Ш. Сабель, Л. Хиршхорн), и информационализм Кастельса.

Ко второй группе относятся авторы, считавшие, что «новая нормальность» является просто модернизированной стадией индустриального общества, логичным продолжением

63 Там же.

64 М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 04.12.2014)

истории: это и неомарксизм (Г. Шиллер и А. Грамши), и гибкое аккумулятивное (Д. Харви), и публичная сфера Хабермаса.

Объединяющим элементом всех теорий является новое, актуализированное понимание информации, при этом Уэбстер отмечает, что сам термин может довольно по-разному пониматься обозначенными теоретиками. Подход самого Уэбстера обогащен интегративным отношением к предшественникам и коллегам и синтетическом рассмотрении совокупности изменений в пяти сферах человеческой деятельности – технологической (сетевая логика и конвергенция технологий в интегрированные системы), экономической (становление информации важнейшим экономическим ресурсом), профессиональной (драматические изменения на рынке труда) и культурной (культура как источник власти) и пространственной (изменения человеческих представлений о времени и пространстве).

Схожим подходом в нашей работе руководствуемся и мы. В следующем разделе будет осуществлен анализ школы политических коммуникаций на момент ее трансформации перед вышеуказанными изменениями нового миропорядка. Рассмотрев философскую и коммуникационную артикуляцию «новой нормальности» и обогатив их школой политической коммуникации, мы далее возьмем на себя смелость исследовать временной зазор между казанными теориями и действительностью наших дней, рассмотреть какие положения наших коллег подтвердились, какие – преломились и какие были отвергнуты неумолимым ходом времени.

Напоследок подведем итоги и вкратце обозначим, какие основные тезисы постмодерна переключались и были развиты в коммуникационных теориях «новой нормальности»:

Во-первых, идея виртуального потока симулякров, которым можно манипулировать в любом направлении для интеллектуального конструирования реальности, была принята и развита в сетевое вневременное медиапространство потоков, в котором каждый человек становится автором постоянно меняющейся незакрепленной картотеки образов.

Во-вторых, малые рассказы постмодерна, распространяемые по сетевому принципу ложатся в основу виртуальных сообществ, создавая альтернативный социальный фольклор мифологического типа.

В-третьих, знание становится не просто динамическим и постоянно меняющимся процессом свободного описания картины мира, но и значимым ресурсом и источником влияния, реализующим себя через сферу культуры и образования.

В-четвертых, децентрализованная игра с текстом раздваивается на элиты, оккупировавшую «источники текста», и большую часть населения, противопоставляющую элите адхократичные методы воздействия на повестку дня.

В-пятых, конвергенционный потенциал постмодерна теперь пронизывает все уровни бытия, меняя даже пространственно-временную конфигурацию общества.

§3 Теории политической коммуникации

Революционеры, не умеющие соединить нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами.

Детская болезнь "левизны" в коммунизме

В.И. Ленин (1920)

Как уже было показано выше, «новая нормальность» качественно модифицирует формы организации, сущностное наполнение и сам облик политического пространства. Новые возникшие инструменты, практики, аудитории, измерения времени и пространства могут быть использованы как во благо человека, так и во благо элиты.

Индустриальные институты политики, ее практики, носители и концепты морально устарели и требуют пересмотра. Изложение всего проблемного поля политологии в одном разделе, очевидно, выходит за рамки данной работы и не вписывается в заявленную с самого начала актуальность темы исследования. Поскольку данная глава нацелена на то, чтобы показать, как политическая наука реагировала и трансформировалась под влиянием «новой нормальности», мы сосредоточимся на том, какое звучание приобрела политическая коммуникация, при новом миропорядке более чем когда либо отвечающая за артикуляцию, легитимизацию и реализацию политических решений тех или иных акторов. На фоне интенсивного изменения информационного ландшафта мира все рельефнее прорисовывается политическая коммуникативистика, отвечающая за природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни.

По утверждению А.И. Соловьева, «следует учитывать, что в рамках политической сферы используемые совместно понятия «информационные» и «коммуникационные процессы» не одинаковы по значению. Так, первое, в основном, характеризует технико-организационную сторону обменных процессов. И в этом смысле информационные процессы рассматриваются как технологическая основа политической коммуникации. Сюда входит не только содержание сообщений, но и средства передачи информации, степень плотности потоков сообщений и другие аналогичные параметры, от которых непосредственно зависит качество коммуникации. Что касается понятия «коммуникации», то оно охватывает все аспекты субъективированного восприятия, истолкования и усвоения людьми информации, все грани процесса установления осмысленных контактов между отправителями и получателями политической информации и ее применения в соответствии с намерениями субъектов». ⁶⁵

Таким образом, место и значение «информации» и «коммуникации» в политике определяется теми политическими функциями, которыми они обладают. Наиболее укоренившимся значением информации в измерении политических коммуникаций стало не ее онтологическое значение, но утилитарное: как отмечал П.Шеннон, информацией могут считаться только сообщения, благодаря которым человек может разрешить ситуацию выбора альтернатив своего поведения. Иными словами, политическая информация – это такая информация, которую человек отбирает из потока разнообразных сведений для подготовки и принятия тех решений, которые вовлечены во властные отношения и лежат в основе политических решений и поступков. При таком подходе политика рассматривается как форма информационно-коммуникационного процесса,

65 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.9

формирующегося при распределении общественных ресурсов и статусов во властных отношениях.

Впервые такое представление о политическом пространстве как пространстве потоков информации и коммуникационных контактов было выдвинуто Карлом Дойчем в его работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (Нью-Йорк, 1963). Американский ученый предложил концепцию дейтократии (информационная элита), при которой, однако, политическая система обладает высокой автономностью, а каждый политический институт и механизмы власти обладают собственными возможностями проводить политические решения в пространстве потоков информации. При этом, их эффективность деятельности определялась их способностью к упорядочиванию поступающей информации.

Впротивовес подобному «социальному» течению политологии ряд теоретиков подчеркивали технические аспекты информационно-коммуникационного дискурса в политике. Немецкий политолог Г. Шельски в 60-ые годы разрабатывал идею «техницистского» государства, которое было направлено скорее на обеспечение и расширение «власти аппаратуры», нежели на реализацию социальных интересов общества. Такой подход наделяет политику свойствами рационального инструмента по урегулированию конфликтов. Развивая эту линию, ряд политологов (Р.Джонсон, Д.Мичи и др.) опирались на концепции информационного общества и утверждали гиперрационалистические трактовки политических коммуникаций (к примеру, по их мнению, компьютерная техника является ключевым элементом в урегулировании политических конфликтов, борьбе с голодом и пр.).

Обе теории обладали изъянами. Как уже было показано в разделах выше, человек XX серьезно менялся как психологически, так и социально, ментально, постоянно возникали новые и менялись традиционные его социальные роли. В то же время, политическая коммуникативистика предпочитала сосредотачиваться на изменении властных отношений – и максимум – на их влиянии на социальное пространство общества.

Это было замечено Юргеном Хабермасом и рядом других ученых. По мнению Хабермаса, изменения в «человеческом» материале политических коммуникаций как минимум равнозначны изменениям в других элементах политики. Логично утверждая, что сфера политического все еще представлена людьми, которые суть не гиперрациональные сущности (к примеру, политическое решение того или иного актора может быть принято вопреки полученной информации и пр.), это направление политической коммуникативистики делает акцент на собственно коммуникационных действиях человека.

Как утверждает Соловьев, в результате взаимодействия различных теорий и моделей, постепенно выкристаллизовалось два наиболее общих подхода к изучению политических коммуникаций:

- 1) *Информационный подход* к анализу коммуникаций, включая политические, который, в известной степени, является переложением кибернетических подходов к изучению информационных процессов на политическую науку. В этом подходе всегда делается акцент на внешние условия, внимание человеческому аспекту не уделяется. Сами же коммуникации представляются как «все возможные соприкосновения одного сознания с другим», сопровождающие любые информационные обмены (У. Уивер).

В несколько упрощенном виде такая модель коммуникации выглядит следующим образом:

- 2) *Социальный подход*, делающий упор на человеческий аспект коммуникации. Этот подход был укреплен целым рядом эмпирических исследований, в первую очередь, работами Г. Лассуэлла, которые показали принципиальное значение субъекта для возникновения процесса коммуникации. В этом подходе коммуникация стала рассматриваться как результат удачного завершения попытки отправителя войти в контакт с получателем.

В несколько упрощенном виде такая модель коммуникации выглядит следующим образом:

В рамках политического пространства такой подход означал, что установление коммуникации дает политическому актору возможность регулировать течения конфликтов, управлять ими, укреплять свои политические статусы, повышать легитимность своих решений.

Поскольку политические коммуникации – особенно когда их инициатором является государство – гораздо чаще носят массовый характер, чем остальные виды, перед политологией встала проблема классификации совокупностей сообщений. На сегодняшний день наиболее общепринятым является классификация таких совокупностей на *инфопотоки* (информационные трафики, исходящие из разных источников) и *дискурсы* (целенаправленные потоки сообщений по поводу тех или иных целей). Второе включает в себя такие способы организации дискурсов как политическая реклама, пропаганда, агитация и пр.

Как подчеркивает Соловьев, в политическом пространстве наблюдается движение от инфопотока к дискурсу:

«Однако обслуживая политические контакты конкретных акторов, взаимодействующих между собой по тому или иному поводу, информационные потоки неизбежно обретают некую упорядоченность и в конечном счете способствуют поддержанию относительно устойчивых целенаправленных коммуникаций. Вызванные к жизни действиями определенных коммуникаторов и реципиентов, характерными для них каналами связи, а также обладающие содержательными отличиями, эти формы общения порождают

качественно иное состояние информационно-коммуникационных процессов, которые можно определить как информационно-коммуникационные поля».⁶⁶

Следующим уровнем организации потоков информации выступает политическая *инфосфера*, которая формировалась поэтапно через возникновение языковых и письменных форм общения, изобретение книгопечатания, технических, а затем и электронных средств передачи сообщений. Политическая коммуникация подвергалась качественной трансформации на всех этапах, кроме первых двух (поскольку возникла хронологически позднее): «если изобретение языка и письменности не повлияло на политические коммуникации, поскольку данная сфера власти возникла в более поздний исторический период, то появление книгопечатания, а затем технических и электронных (в том числе новых, виртуальных) форм передачи сообщений существенно видоизменило политическую сферу. Изобретение телеграфа, телефона, радио и особенно телевидения показало, как радикально меняются возможности не только усиления координации коллективных действий, но и трансформирования самого процесса принятия государственных решений, управления обществом. Следует согласиться с теми, кто полагает, что интенсивность развития как государства, так и гражданского общества сегодня непосредственно зависит «от плотности и открытости коммуникаций», меняющихся в результате трансформации способов доставки и распространения информации».⁶⁷

Политическая коммуникативистика в силу своей утилитарной направленности склонна более стратегически рассматривать всю совокупность участников коммуникации, нежели направления, рассмотренные нами в предыдущих разделах. Включение третьего класса в политическое пространство и последующее развитие политических институтов (институт выборности, политические партии и пр.) со временем обеспечило устойчивую схему двустороннего информационного взаимодействия между политической элитой и избирателями. Однако возрастающая плюрализация общества, его дефрагментация и усложнение государственной сферы привели к возникновению различных инфополей, которые диверсифицировали власть политическими коммуникациями. Политическая коммуникативистика встала перед проблемой изучения новых игроков на рынке, которые включали в себя лоббистские группы, представительства бизнеса, PR агентства. На фоне этого, по мере развития индустриального общества, идеологическая борьба политических группировок как во внешних, так и во внутренних коммуникациях теряла свой изначально непримиримый и взаимоисключающий характер и в информационном поле все больше устанавливалась культура консенсуса, возник институт общественного мнения:

«Эти базовые ценности выполняли роль метакодов для элитарных и неэлитарных кругов, облегчавших общение и усиливавших целостность и политического, и информационного поля. Одновременно эти процессы положили начало и интенсивному межкультурному и межгосударственному сотрудничеству. В рассматриваемую историческую эпоху население получило возможность производить информационные продукты, в частности, в виде общественного мнения, которое стало принципиально важным для системы организации власти и развития информационного поля».⁶⁸

Если индустриальная эпоха, в первую очередь, разнообразила способы организации информационный потоков, полей и дискурсов, то наступающая информационная эпоха

66 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.32

67 Там же. – С. 34

68 Там же. – С. 37

отличается качественным преобразованием содержанием этих потоков, полей и дискурсов, поскольку информация становится важнейшим капиталом и ресурсом, влияющим на характер трансформации политических институтов.

Однако «самым примечательным фактом, свидетельствующим о начале новой информационной эпохи, оказалась возможность искусственного (цифрового) создания (моделирования) происходящих событий и формирования виртуальных образов мира и соответствующих информационных полей. В результате информационное пространство стало комбинированным: оно содержит отображение как реально происходящего в действительности, так и сотворенного человеком. Таким образом, реальные события соседствуют с искусственными изображениями мира политики. Появление этих виртуальных образований (симулякров — Ж. Бодрийяр) ведет к имитации политической реальности, ее маскировке, а в конечном счете — к созданию некоего вневременного континуума видео-имитационного мира или, другими словами, гиперреальности, полностью творимой человеком. О таком исходе уже предупреждали многие ученые. По их мнению, возможность фабрикации фактов (в том числе и политических) приведет к тому, что она полностью заменит реальность. И хотя такое состояние информационного поля еще не наступило, уже сегодня видно, что характерная для индустриального общества политика «гражданских репрезентаций» сменяется многочисленными формами «репрезентации политики» (С. Пшизова).⁶⁹

Любопытно, что в политологии отмечается и устойчивый сексис аудитории к политической информации, поскольку люди начинают привыкать к новым правилам игры: «Такая культурная установка в конечном счете ведет к тому, что люди отказываются соотносить политические тексты с реальностью. Исходное сообщение прочитывается человеком через другой текст, например, внутреннюю идеологическую установку, мнение комментатора, советы знакомого и т.д. А в информационном поле возникает эффект двойного кодирования сообщений, означающий сугубо индивидуальное, заданное собственными воззрениями прочтение публичного текста, снятие лично значимой информации с помощью сообщения. <...> Многообразие информации, смесь иллюзорности и действительности, возможность свободного выбора индивидом критериев оценки событий создают особую культуру восприятия информации. И главное, что индивидуальность восприятия отрицает установку на выработку общего для всего населения (идеологического) метакода, универсального восприятия политической информации. Именно культурное своеобразие индивида определяет его возможности в прочтении политических текстов и восприятии сведений. При этом виртуальное содержание информации, как правило, ограничивает рациональное восприятие человеком политических сведений, стимулируя произвольность прочтения тех смыслов и значений, которыми она наполнена. Благодаря электронной технике человек получает возможность воспринимать мир во всей полноте его проявлений, получить информацию не только о прошлом, но и о настоящем и будущем. Как и в далеком прошлом, сегодня он возрождает для себя ценности целостного восприятия мира».⁷⁰

При таком положении дел, а также в условиях перенасыщенности политической инфосферы наиболее выгодной и эффективной формой обращения к аудитории становится развлекательная, формируется особая «культура политического развлечения» (А. Дёрнер).

Поскольку главными поставщиками информации и контента, а также основными агентами установления коммуникаций пока еще остаются СМИ, в политологии все чаще

69 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.42

70 Там же. – С. 43-44

используется термин медиакратия, подчеркивая, таким образом, способность информационного поля трансформировать сферу политики и возрастающее подчинение распределения властных полномочий законам движения информации.

При этом подчеркивается известная самостоятельность СМИ, которые выступают элементом сразу нескольких социальных систем (представительства интересов общества и его участия в политическом пространстве, посредничества элиты и электората во властных отношениях, структуры управления обществом и пр.). В системе представительства интересов общества стиль работы СМИ претерпел значительные изменения, поскольку, например, в избирательных циклах аудитория все больше обращает внимание не на идеологическую платформу кандидатов, а на то, как кандидаты изображаются в информационном потоке. В свое время это и дало повод для беспокойства Бодрийяру, поскольку эти изображения кандидатов могут быть попросту симулякрами, не имеющими отношения к действительному портрету кандидата или политического события. Следовательно, по мере возрастания пространства для подобного имиджевого маневра возрастает и проблема дистанцирования СМИ от интересов политических группировок. С другой стороны, СМИ как пока еще главные поставщики самого ценного и властного ресурса «новой нормальности» так или иначе оказываются вовлечены в систему властных отношений. Таким образом, в том или ином контексте СМИ оказываются в известной зависимости или от общества или от государства.

И хотя СМИ обладают рядом важнейших функций (например, функции присвоения статуса социальным проблемам и формирования повестки дня, которая влияет на принятие государственных решений), вопрос эффективности СМИ ставится в политической коммуникативистике достаточно остро:

«..в 1960-е годы, когда в теории «минимального эффекта» утверждалось, что СМИ влияют только на тех, кто постоянно обращается к их информации. Причем, как показали исследования П. Лазарсфельда и Б. Берельсона, послания СМИ могут вступать в конфликт с уже обретенными суждениями, нормами или эмоциональными установками, на которые ориентируются люди. Не случайно Дж. Кланнер в книге «Эффекты массовой коммуникации» писал, что люди используют ин-формацию СМИ в основном для подкрепления своей позиции. А Б. Коэн полагал, что СМИ не столько влияют на общественное мнение, сколько устанавливают пункты повестки дня разворачи-вающегося в социуме дискурса. Позже еще более упрочился дифференцированный подход к оценке воздействия СМИ на человека. Так, американцы А. Фестингер и Н. Маккаби предложили даже теорию «сопротивления убеждающей коммуникации», полагая, что индивид обладает высокой защищенностью от такого типа информирования. А Дж. Зеллер указывал на то, что влияние СМИ с увеличением числа сообщений и интенсификацией коммуникационных связей может спадать, поскольку человек просто не успевает реагировать на этот вал информации. Усиления же их воздействия можно ожидать лишь при согласовании и сходстве позиций коммуникатора и реципиента, совпадении характера информации с традициями, архетипами и культурными нормами реципиента. Так что постепенно ученые пришли к мнению, что СМИ в большей степени усиливают мнения граждан, чем изменяют их суждения и тем более поведение (О. Киф, С. Патерсон, Д. Макквэйл)». ⁷¹

Постепенно возникла и теория 5% (Э. Роджерс), согласно которой важно убедить только 5% граждан, которые суть критическая для общества величина, а дальше целенаправленные потоки информации отойдут в сферу волонтарного, горизонтального и

71 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.81-82

фольклорного распространения информации, своего рода «растекания» по всем уровням социальной организации общества. Информация, полученная таким образом, не будет вызывать скептицизма у реципиентов, поскольку они будут получать контент от «доверенных лиц». Эта идея получила новое, актуализированное значение с появлением и расцветом социальных сетей. Этот же концепт используется в большинстве социокогнитивных практик политического манипулирования. Вдобавок, Роджерс предлагает небезынттересную классификацию категорий граждан по их роли в таком распространении: «инноваторы» (способные схватывать идеи на лету), «ранние принимающие» (в основном, это лидеры мнений), «раннее большинство» (те, кто раньше основной массы воспринимает новые идеи), «скептики» и «поздние принимающие» (с разной степенью подозрения относящиеся к новым представлениям).

При таком обилии субъектов политического рынка и в условиях известной трансформации информационного общества государство, ради эффективного решения проблем, вынужден сочетать публичные и теневые методы информационного воздействия. Меняется и взаимодействия государства и медиасистемы:

«По мере развития демократии и перехода общества к постдемократической организации власти и информационного пространства появляются новые тенденции во взаимоотношениях государства и СМИ. Как уже говорилось, характерные для этого этапа процессы интенсификации информационных обменов, увеличение скорости прироста информации и богатства информационных услуг, сужение публичных отношений государства и общества изменяют возможности и самих СМИ, и государства. Средства массовой информации все больше ориентируются на применение технологий шоу-бизнеса, приоритет развлекательного начала в политическом информировании, что снижает качество общественных дебатов и вытесняет аналитическую прессу на обочину массового интереса. Усиливается и манипулятивный потенциал СМИ. Такого рода факты и тенденции нередко ведут к несбалансированной подаче информации, подрыву демократических ценностей, демобилизации электората, нарастанию отчуждения граждан от политики. Государство не может препятствовать нарастанию коммерциализации СМИ, концентрации собственности на информационном рынке. Не может оно и целенаправленно воздействовать на политически заданную тональность действий СМИ или сохранение общественно значимого сегмента в их сообщениях. Государство сталкивается с совершенно новыми для себя проблемами (на-пример, необходимостью легализации «цифровой подписи», перестраивания своих функций в режиме «государства on-line» и «электронного правительства», ослабления контроля за централизацией собственности в информационной сфере, постоянного технического переоснащения публичной сферы, правового обеспечения интеграции информационных структур, оказывающих услуги на рынке телекоммуникаций, и т.д.). Все это свидетельствует о снижении уровня государственного регулирования информационного пространства».⁷²

При столкновении политических интересов выделяются несколько самых насыщенных способов политической коммуникации: пропаганда, агитация, PR, политическая реклама, информационный лоббизм.

Пропаганда отличается необходимостью нерерывного распространения ценностей и целей, которые позиционируют политических акторов в пространстве властных отношений. Принципиальным, при этом, является качество и содержание таких идей, а не целенаправленный характер пропаганды. Таким образом, путем пропаганды вполне можно просто информировать общество, не побуждая его на те или иные действия. При этом

72 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.215-216

пропаганда носит односторонний характер. Из указанной специфики вытекают и особенные, только этому типу коммуникации присущие, техники коммуникации, которые отличаются эмоционально насыщенными способами информирования, насыщенность символическим значением (чтобы эмоции не подавляли содержание, а выступали в унисон), апелляция к тем оценкам, которые разделяет большинство (во имя максимальной экспансии), широкий набор манипулятивных практик.

Агитация, напротив, всегда направлена на стимулирование поведенческой активности людей, создает определенный набор символов, которые станут предпосылкой для политического поведения реципиента.

Что касается остальных указанных способов поддержания и проведения политической коммуникации, то Соловьев указывает, что политическое значение PR, политической рекламы, информационного лоббизма «в современном мире растет столь стремительно, что некоторые ученые и политики уже сегодня называют наиболее распространенные из них — пиар и политическую рекламу — пятой властью. <...> Но главное, что все маркетинговые коммуникации могут складываться и способствовать информационному сопровождению (продвижению) товара только в определенной части политического пространства, а именно в условиях политического рынка, создающего для них необходимую среду обитания. <...> В условиях виртуального мира, гиперреальности, усиливающих позиции источника информации, а также позиции коммуникатора, способного фабриковать и конструировать исходные сообщения, рыночные механизмы действуют иначе, чем в экономике. Зачастую здесь не только и не столько предложение является ответом на спрос, но активно используются прямо противоположные способы, когда спрос стимулируется и создается предложением. <...> Будучи ареной конкуренции различных сил, политический рынок представляет собой, как правило, весьма неоднородное пространство, в котором взаимодействуют группы с различными интересами, взглядами, ресурсами, склонностями к коммуникации. Разнородность рынка обычно принимают в расчет при проведении специальных акций и кампаний, и прежде всего при выборах».⁷³

В рамках рынка политических коммуникаций принято выделять 4 ролевые модели: заказчик, эксперт, исполнитель и потребитель. Базовой коммуникационной единицей, через которую проходят контакты агентов на политическом рынке, является политический имидж («целенаправленно создаваемый образ политического товара, который направлен на его позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационном пространстве»), с основе которого чаще всего лежат нормативные и идеальные представления общества.

Среди способов установления политических коммуникаций на таком рынке ведущее положение занимает *политический PR*, в случае с которым, однако, специалисты затрудняются найти точное определение этой деятельности (насчитывается вплоть до 450 дефиниций). Усредненно политическая PR деятельность понимается как комплексная рыночная деятельность по организации коммуникационного пространства на основе управления информационными потоками. PR является динамичное развивающейся деятельностью в силу повышающейся международной интеграции политических структур и общего усложнения информационного глобального общества. При этом, PR, будучи субъектом рыночных отношений, в отличие от пропаганды и агитации отличается большей социальной направленностью, нуждающийся в поддержке потребителей: «развитие пиар-коммуникаций продолжается, они обретают новые черты, что обусловлено

⁷³ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.125-126

усилением международных связей политических структур и усложнением организации мирового политического процесса. Постоянно совершенствуются технологии и механизмы политического и корпоративного пиара. В политической сфере пиар стал профессиональным видом информационной деятельности. Коммуникационные технологии политического пиара в значительной степени социально ориентированы. Как и в бизнесе, где предприниматели со временем почувствовали, что доходы зависят не только от вложения в производство и хозяйственную деятельность, а нуждаются в поддержке покупателей, в политике по мере развития электоральных процессов ориентация на формирование нужного общественного мнения стала едва ли не основной. Расширение поддержки, повышение легитимности придали пиару устойчивую ориентацию на формирование благожелательного климата, помогающего не только реализовать конкретные цели, но и сохранить после завершения проекта позитивное отношение к его действующим лицам. Постоянный рост взаимозависимостей в мире политики повлиял на пиар-коммуникации, они больше нацелены на формирование отношений с широкой социальной аудиторией. При этом сохраняется ориентация на конструирование доброжелательных отношений между организацией и общественностью». ⁷⁴

В силу указанной специфики PR носит сквозной характер, стремится – в нормативе – установить долговременные доверительные отношения в рамках политического проекта (как внутренние, так и внешние), выходить за организационные и временные рамки такого проекта. В результате PR деятельности – опять же, в нормативе – создается системный информационный тарфик, подразумевающий организацию как ситуативных, так и стратегических коммуникационных отношений. Разумеется, подобные нормативные кооперативные установки противоречат, в некоторой степени, принципам и природе политического рынка, где кооперация и взаимовыгода вступают в конфликт с конкурентным устройством политического пространства.

По стилистике несколько выделяется PR в государственном управлении, который социокультурно детерминирован и опирается на традиции восприятия государства в конкретной стране. Считается – как и в случае с усиливающей функцией СМИ – что в данном случае PR может только оптимизировать и модерировать уже имеющуюся имиджевую традицию.

Специфика *политической рекламы* определяется тем, что сегодня она. По сути, является составной частью любого политического продукта. По утверждению Маклюэна, реклама стала «ироничным языком» политического диалога, связывающего, таким образом, элиты и избирателей. Политическая реклама направлена на ознакомление аудитории с тем или иным политическим товаром под таким углом, чтобы создавать активный спрос на такие товары. Ее также можно интерпретировать как форму искусственной стимуляции потребления.

Информационный лоббизм как способ коммуникации, находится уровнем ниже, поскольку является продуктом деятельности групп вторичного политического влияния (лобби). Несмотря на то, что эта организация дискурса в России развита еще меньше чем остальные (до сих пор нет внятного законодательства о лоббизме и проч), рассмотреть его очень полезно, в силу его жестко инструментальной направленности. Информационный лоббизм чаще всего разворачивается ситуативно – адхократично - и в очень узком сегменте политического пространства (даже не сфера принятия решений, а ключевые лица принятия решений). Реализуется лоббизм чаще всего в теневом или полутеновом режиме – в отличие от публичности ранее указанных способов организации коммуникации.

74 Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.140

Следовательно, общество для лоббизма является максимум косвенным соучастником коммуникации (используется как ресурс, когда необходимо), а массовые коммуникации почти не используются.

В политической коммуникативистике обращается внимание и на политическое измерение проблемы бинарной включенности (если опираться на концепцию Кастельса). В силу того, что включение в глобальное информационное общество становится важным источником накопления информационного капитала, такое включение – поскольку политическая сфера есть конкурентная сфера – становится предметом политических сделок и конфликтов:

«Удешевление информационных товаров и образование на основе новейших технических достижений межконтинентальных коммуникационных каналов и сетей не только интегрирует информационное мировое пространство, но и создает болезненные противоречия между двумя группами стран и организаций регионального характера. С одной стороны, это западные страны, настаивающие на сохранении порядка свободного потока информации и ее продаж на мировом рынке. С другой — это страны, заинтересованные в большем продвижении собственной продукции и сдерживании глобализации информационного рынка ТНК. В 1960—1970-х годах такого рода государства сформировали движение «За новый международный информационный порядок», ставившее целью борьбу против «информационного империализма», за интеллектуальную и информационную деколонизацию. Численное превосходство этих стран позволило даже включать такие требования в документы ООН. Западные государства ответили на эти действия собственными демаршами. В 1980 г. в ответ на резолюцию ЮНЕСКО о поддержании мер по регулированию потоков новостей и культурной продукции, распространяющихся через национальные границы, США в знак протеста вышли из этой организации». ⁷⁵

И хотя подобные противоречия несколько снимаются темпами прогресса постколониальных и развивающихся стран, вопросы об информационном суверенитете все еще не исчезли. В сфере внутренней политике это отображается в том, что правительства пытаются одновременно сохранить культурную специфику общества, адаптируя его при этом к глобальной информационной магистрали. При этом любопытно отметить, как в такой международной информационно-коммуникационной системе (МИКС) меняется устройство политического инфопотока:

«Информация в МИКС обладает универсальным характером, поскольку предназначена для широкой социальной аудитории. Однако публичность и массовый характер МИКС предопределяют наличие особого типа распространения информации. Чтобы стать потоком сообщений с открытыми для всех смысловыми границами, она претерпевает вполне определенные изменения. Этот способ ее трансформации обусловлен взаимодействием политических сил, использующих информацию для реализации своих интересов. <...> Но даже став «новостью», «политический факт» может быть вытеснен на периферию зрительского интереса. Однако если он вызывает устойчивый интерес населения или же в его дополнительном освещении заинтересованы некие политические силы, данный факт обретает статус постоянно присутствующего в новостной политике сюжета, т.е. «темы». «Тема» предполагает уже более широкий набор информационных инструментов для поддержания должной коммуникации, например, освещение смежных вопросов, многочисленные комментарии, проведение журналистских расследований,

⁷⁵ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.57

аналитические исследования вопроса и т.д. Можно вспомнить, например, многомесячное освещение трагедии на Дубровке, гибели атомной подлодки «Курск» и т.д.».⁷⁶

В условиях международного столкновения политических интересов, иными словами, в геополитическом пространстве самым насыщенным способом организации коммуникации является *информационная кампания*. Поскольку в геополитических конфликтах мы имеем дело с самым властным, конкурентным и архаичным (по содержанию) сегментом политического пространства (к примеру, есть все основания считать, что международные отношения все еще протекают в русле взаимодействия метанарративов, по крайней мере, во внешнем, феноменальном проявлении). Такой способ организации как никакой другой критически нуждается в инвенсивном и систематическом информационном подкреплении и гибкого сворачивания всей деятельности, поскольку международные конфликты чаще всего ситуативны.

Соловьев предлагает представить информационную кампанию как «заранее спланированный комплекс взаимосвязанных коммуникационных действий, специально разработанных для обеспечения конкретных целей коммуникатора путем целенаправленного воздействия на общественное мнение и позиции контрагента. Эта трактовка акцентирует внимание на важности базовых показателей информационной активности политического актора, без которых он не может достигнуть стоящих перед ним задач: целенаправленности, комплексности и согласованности предпринимаемых действий. В то же время она позволяет отличить осуществляемые здесь действия и от единичных, и тем более от спонтанных акций в политико-информационном пространстве. Таким образом, к кампаниям нельзя относить действия, сходные с ними по внешним признакам. Например, выступления отдельных СМИ с той или иной позицией еще не являются показателем наличия информационной кампании, если не дополняются иными акциями других игроков на политической арене, а их действия не носят согласованного характера».⁷⁷

Монолитный и предзаданный, конвенциональный характер информационных кампаний подразумевает ее ограничение во времени. Из ресурсов, которые включатся в разработку таких кампаний, прежде всего следует учитывать коммуникационный потенциал общественности (как своей, так и контрагента, так и глобальной).

Подводя итоги данного раздела следует отметить основные выводы, к которым мы пришли в ходе описания ключевых моментов политической коммуникативистики:

Во-первых, политическая коммуникативистика учитывает те глубинные и фундаментальные изменения, которые проходят в мире под эгидой «новой нормальности»

Во-вторых, в силу своего включения в политическое пространство, политическая коммуникация как практика носит подчеркнуто инструментальный и утилитарный характер, рассматривая, например техники организации немаркетинговой и маркетинговой коммуникации

В-третьих, политическая коммуникативистика в известном смысле представляет собой усредненные и конвенциональные соглашения по описанию современности. В данном случае мы имеем дело не со созвездием блестящих авторов, но системной и исторической традицией научной школы

⁷⁶ Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.68

⁷⁷ Там же. – С.242

В-четвертых, политическая коммуникативистика отличается более техническим подходом к структурированию и описанию современного мира

В-пятых, если потмодерн во многом отвечает на вопрос «что пошло не так?», а авторы коммуникативистики – на «что происходит и будет происходить дальше?», то политическая коммуникативистика – на «как с этим работать?».

Список использованной литературы

1. О.Шпенглер. Закат Европы. – М.: "Мысль", 1993
2. Э.Шюре. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. URL: [http://www.e-reading.link/bookreader.php/131450/Shyure -
_Velikie_posvyashchennye._Ocherk_ezoterizma_religiit.html](http://www.e-reading.link/bookreader.php/131450/Shyure_-_Velikie_posvyashchennye._Ocherk_ezoterizma_religiit.html) (дата обращения: 03.12.2014)
3. Л.Яковлева, ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ. URL: [http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I. KHrestomatija.pdf](http://new.philos.msu.ru/uploads/media/JAkovleva_L.I._KHrestomatija.pdf) (дата обращения: 03.12.2014)
4. Р.Декарт, ПЕРВОНАЧАЛА ФИЛОСОФИИ. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dek/dekart_1_297.htm (дата обращения: 03.12.2014)
5. Декарт, Рене. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15649> (дата обращения: 03.12.2014)
6. А.Дугин. Постфилософия. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 03.12.2014)
7. И.Скоропанова. Русская постмодернистская литература. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook974/01/part-031.htm> (дата обращения: 03.12.2014)
8. Ж.Делёз. Складка. Лейбниц и барокко. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque.htm (дата обращения: 03.12.2014)
9. Ж. Делёз. Логика смысла. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica2.txt> (дата обращения: 06.12.2014)
10. Ж. Делёз. Платон и симулякр. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php (дата обращения: 06.12.2014)
11. Ж.Бодрийяр. Общества поребления. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=106836&p=4> (дата обращения: 03.12.2014)
12. Ж.Бодрийяр. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. - С. 105
13. Г. Семигин. Антология мировой политической мысли. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php (дата обращения: 03.12.2014)
14. Э.Тоффлер, Третья волна - М.: «АСТ Москва», 2009
15. М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 04.12.2014)
16. Политические коммуникации; под ред. А.И.Соловьева – М.: Аспект Пресс, 2004.
17. Э.Тоффлер. Метаморфозы власти. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/index.php (дата обращения: 04.12.2014)
18. Я.Коломиец. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ТОРОНТСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ. URL: <http://www.newmediastudies.ru/2013.kolomiets.pdf> (дата обращения: 06.12.2014)
19. С.Коновченко, А.Киселев. Информационная политика в России. Монография. – М.: РАГС, 2004.